

ЮЛИЯ
ВОЗНЕСЕНСКАЯ

Юлианна,

или ИГРА В
«ДОЧКИ-МАЧЕХИ»

Юлия Николаевна Вознесенская
Юлианна, или Игра
в «дочки-мачехи»
Серия «Юлианна», книга 3

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2818335

*Юлианна, или Игра в «дочки-мачехи»: Яуза-пресс, Ленга Книга,
ЭКСМО; М.; 2016*

ISBN 978-5-91173-479-4, 978-5-905889-87-5, 978-5-4444-5494-7

Аннотация

В третьей книге мачеха Жанна объявляет падчерицам настоящую войну, любой ценой пытаясь сжить девочек со свету и добраться до денег их отца. Она решается прибегнуть к помощи своих коллег – «целительницы» Агафьи Тихоновны Пуповзоровой, экстрасенса Жоры Магилиани и ведьмы Ахинеи. Но чудесным образом появившаяся в доме девочек гувернантка Александра и Ангелы Хранители помогают Юлианнам победить нечисть. Добро и справедливость снова торжествуют.

Книга будет интересна не только детям среднего школьного возраста, но и их родителям.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	26
Глава 3	47
Глава 4	81
Конец ознакомительного фрагмента.	101

**Юлия Николаевна
Вознесенская
Юлианна, или Игра
в «дочки-мачехи»**

© ООО «ГрифЪ», оформление, 2016

© ООО «Издательство «Лепта Книга», текст, иллюстрации, 2016

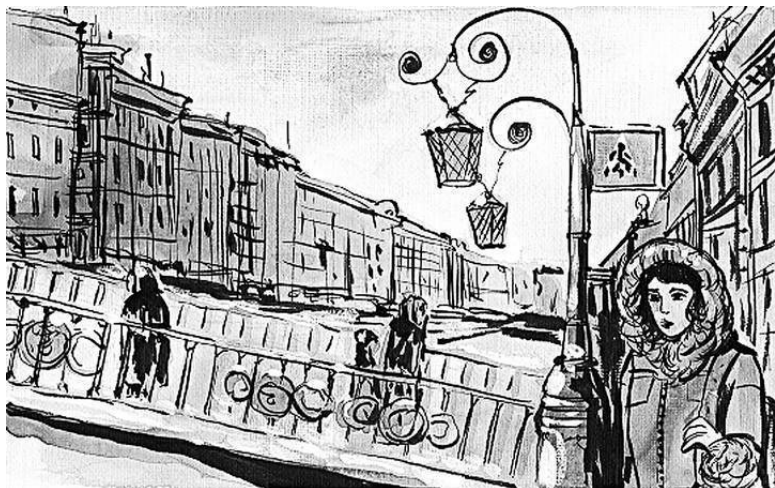
© Вознесенская Ю.Н., 2016

© Тимошенко Ю., 2016

Ю. В. Сосновский

Господи, благослови!

Глава 1

– Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя, – бормо-

тала преподавательница русского языка и литературы Александра Николаевна Берсенева, шагая сквозь метель по малоллюдному сейчас Каменному острову. – То как зверь она завоет... Ой! – Тут она угодила левой ногой в сырой сугроб и сразу промочила и невысокий бежевый сапожок, и носок, и ногу. Ноге вмиг стало холодно и мокро, но это еще можно терпеть, на носок вообще было наплевать, а вот промокший сапог – это была катастрофа! Сапог на глазах потемнел от воды и сделался на вид совсем не парным с правым сапожком. А ведь именно сегодня надо было выглядеть прилично одетой и обутой, потому что она шла на очень важную встречу. Нахмурившись, Александра подумала немного и – решительно сунула! в тот же сугроб! и правую ногу! Нога, естественно, тут же промокла и замерзла, но зато правый сапог стал выглядеть «адекватно», как сказала ему, сапогу, Александра, – то есть стал таким же, как левый.

Летевший над девушкой Ангел Хранитель по имени Александрос покачал темнокудрой головой: опять Александра среагировала на неприятность скорее, чем он успел подсказать ей правильное решение! Надо же было просто вынуть из кармана носовой платок, захватить им немного снега и протереть правый сапожок: кожа сапога потемнела бы точно так же, зато нога осталась бы сухой и теплой – хотя бы одна нога. Не успел, однако...

– Ха-ха-ха! У-у-у! – раздалось откуда-то слева.

Ангел повернул голову.

– У-у-уходи с нашего о-о-острова-а-а! У-у-у! – завыл крылатый черно-зеленый бес, винтом крутившийся в столбе метели рядом с девушкой. Похоже, что именно бес подтолкнул Александру в мокрый сугроб, а Хранитель его вовремя не заметил и не успел прикрыть подопечную крылом.

– Да-да, – подтвердил бес, – это я ее толкнул! Бе-е-е! И еще толкну, как только ты зазеваешься, сверкунчик белокрылый!

– Чего тебе от нее надо, жаб крылатый? – возмутился Александрос и поднял светящийся меч, отгоняя беса. – Идет девушка по своим делам – чем она тебе помешала?

– Так я тебе и скажу-у-у! – глумливо ответил бес и, дразнясь, показал Ангелу длинный черный язык.

– Да и не надо, можешь не говорить, – сказал Ангел. – И так все ясно: увидел крещеную душу и решил напакостить. А ну, пошел вон!

Бес сиганул в сторону и полетел в темноту, петляя между деревьями, а Хранитель распахнул могучие белые крыла и поплыл в воздухе над самой девушкой – на всякий случай.

Сама же Александра их разговора не слышала и бодро топала вперед мокрыми ногами. Она торопилась. Шла вторая неделя января, по-церковному Святки, еще продолжались школьные каникулы, но заведующий учебной частью лицея все-таки согласился принять Александру Берсеневу и любез-

но назначил ей время для беседы, а она уже почти опаздывает...

Ага, вот он, лицей! Об этом торжественно извещала – золотом по черному – доска на каменном столбе у ворот. За высокой чугунной оградой дремал заснеженный сад. Стоящее в глубине его трехэтажное старинное здание, с каменным крыльцом, с колоннами и балконами по всему фасаду, было подсвечено со всех сторон синими и желтыми прожекторами. Цветные блики искрились в снегу и в столбах метели, плавающих таинственными видениями между черными стволами: сад казался прекрасным, загадочным и волшебным. Второй этаж особняка сиял высокими окнами, и оттуда доносилась музыка, торжественная и, конечно же, классическая. Как хотите, а представить себе ТОРЖЕСТВЕННУЮ попсовую музыку ну просто нет никакой возможности. У Александры даже дух захватило: неужели она будет каждый день входить в эти роскошные ворота с непонятными золочеными вензелями?

Однако у роскошных ворот Александру сурово остановил охранник, потребовал у нее паспорт, полистал, почитал, потом отошел и позвонил по мобильнику, что-то сказал и что-то выслушал в ответ, и только после этого вежливо пробасил: – Проходите, вас уже давно ждут! Третий этаж, первая комната по коридору налево.

Александра побежала к широким ступеням входа в лицей. Ох, как же она опаздывала!

Завуч оказался мужчиной средних лет, с коротко стриженными полуседыми волосами и в хорошем дорогом костюме. Симпатичный, вежливый и важный такой господин! Он долго и дотошно расспрашивал Александру, почему та оставила Москву и решила переехать в Санкт-Петербург, где она проходила институтскую практику и в какой школе успела отработать первое полугодие. А потом вдруг взял и ошарашил:

– Конечно, диплом у вас с отличием, и это неплохо. Но вот опыта, как я вижу, почти никакого. А у нас, Александра Николаевна, извините, лицей, а не просто какая-то там городская школа. Так что придется мне вас огорчить...

– Ну что ж... Благодарю за потраченное на меня время.

Александра встала и собралась покинуть кабинет, сдерживая слезы разочарования и обиды: что ж он так долго и нудно ее расспрашивал и шуршал бумажками? Она ведь еще по телефону его предупредила, что проработала в школе всего одно полугодие!

Но оказалось, что завуч не просто тянул время, а, взирая проницательным оком на Александру, заглядывал в будущее.

– Годика через три, когда наберетесь опыта в обычной школе, обязательно загляните снова к нам. Тогда, я думаю, мы вас возьмем на испытательный срок, – сказал он, возвращая ее бумаги.

Ох! Не объяснять же было этому важному и довольному собой и жизнью господину, что если ее возьмут в городскую

школу – а туда ее, конечно же, возьмут! – то прожить в Петербурге на обычную учительскую зарплату целых три года она никак не сможет. Ей ведь надо еще квартиру снимать и оплачивать! Пока она живет на положении гостыи у родной тетушки, но, похоже, тетя Муся не так уж и счастлива ее затянувшимся гостеванием, и Александра это уже поняла. Вот сейчас она выйдет на завьюженную улицу и будет бродить, бродить по городу до позднего вечера, чтобы, придя домой, тихонько проскользнуть в свою комнатку и избежать неприятных поучений типа «Опять изволишь дома прохлаждаться? Так ты работу не найдешь, голубушка!». Вот о чем думала Александра, укладывая сначала в папку, а потом в рюкзачок свои документы.

Она попрощалась, встала и двинулась к дверям.

– Пойдите-ка, Александра Николаевна!

Она резко обернулась, уже начиная невольно на что-то надеяться. Но нет, завуч вовсе не передумал!

– У нас сегодня школьная елка, концерт, – сказал он. – Не хотите ли пойти взглянуть на наших лицеистов? Это этажом ниже, в актовом зале... Сходите, Александра Николаевна, развлекитесь, а то, я вижу, вы расстроены. И не грустите, у вас еще все впереди!

– Да, конечно, – не стала спорить Александра, хотя впереди она в конкретный момент ничего лучезарного не наблюдала. – Я обязательно спущусь в актовый зал. Спасибо. – Она решила так и сделать, ведь это была возможность провести

пару часов в тепле, тем более что на кино или кафе денег у нее не было. И она осторожно прикрыла за собой дверь кабинета – боялась не сдержаться и хлопнуть ею как следует.

Завуч вздохнул. Девушка ему понравилась, если честно, даже очень понравилась. Но у него был принцип – никогда не иметь дела с человеком, опоздавшим на первую встречу хотя бы на пять минут. Александра же опоздала на целых семь минут! Может быть, через три года, когда повыветрятся московские привычки, молоденькая преподавательница русского языка и литературы научится приходить строго к назначенному времени, как это принято в Санкт-Петербурге. Впрочем, даже петербургские девушки, которым он когда-то назначал свиданья, все как одна на первое свиданье опаздывали: потому-то он и оставался до сих пор холостяком, а нерастраченную потребность в семье и детях отдавал безраздельно своим лицеистам.

Александра спустилась по широкой парадной лестнице на второй этаж лицея, уже издали слыша, как хор поет на английском языке старинную рождественскую песню «Джинглз белз»¹. Она беспрепятственно вошла в зал, заполненный учениками и родителями, нашла свободное место, села и стала слушать.

Песня кончилась, занавес закрылся, послышался легкий шум уходящего со сцены хора, а на просцениум вышла красивая, стройная, как манекенщица, девочка лет четырнадца-

¹ «Бубенцы звенят» (англ.).

ти. Выдержав паузу, она чуточку покрасовалась перед микрофоном, зачем-то поправила его, кокетливо улыбнулась залу и объявила:

– Танец с зеркалом. Исполняет Юлианна Мишина.

В зале дружно захлопали.

Раздвинулся занавес. На пустой сцене, не в центре, а немного сбоку, теперь стояло высокое старинное зеркало в тяжелой золоченой раме. Александра ожидала, что танец будет с зеркалом в руках, а тут вдруг этакий громоздкий антиквариат – и как же с этим танцевать? Зазвучал «Грустный вальс» Сибелиуса. Под музыку из-за кулисы вышла тоненькая девочка в белой тунике: она почти не танцевала, а просто шла в такт музыке скользящим шагом, понунив голову. Одна ее короткая косичка была завязана голубым бантом, а вторая расплелась, банта в ней тоже не было, и распущенные волосы закрывали почти половину девочкина лица. Похоже, что ей было грустно или ее кто-то обидел. Она сделала медленный и печальный круг вальса по сцене и закончила его перед зеркалом. Остановилась и, покачиваясь на носочках, стала рассматривать свое отражение, потом протянула руку и коснулась его: ее пальцы и пальцы отразившейся в зеркале девочки встретились. Она протянула отражению вторую руку, как бы приглашая танцевать. И вдруг девочка-отражение в зеркале кивнула, протянула из зеркала руку и провела ею по щеке танцовщицы, стирая с нее слезу! А потом «девочка-отражение» шагнула из зеркала и сделала поклон – при-

гласила «грустную девочку» на тур вальса! Та улыбнулась, ответила ей реверансом и тоже протянула руку. И вот они уже танцуют, кружатся в вальсе по всей сцене, совершенно одинаковые, неразличимые... И Александра поняла, что это танцуют сестры-близнецы. Интересно, а почему было объявлено одно имя, а не два? Разве может такое быть, чтобы у сестер было одно и то же имя – Юлианна? Музыка звучала все веселее, и танцующие Юлианны кружились, расходились и сходились – но движения их при этом все время оставались абсолютно зеркальными. У одной расплетена была левая косичка, а у другой – правая. Они танцевали, незаметно приближаясь к зеркалу, и вдруг внезапно остановились перед ним. «Девочка-отражение» стала прощаться, а «грустная девочка» не хотела ее отпускать: и хотя они выражали это мимикой и движениями, все было понятно и очень трогательно. И вот «девочка-отражение» шагнула назад в зеркало, а «грустная девочка» осталась стоять перед ним. Они поцеловались и стали медленно расходиться, маша на прощанье друг дружке руками; и одна ушла со сцены за кулисы, а другая – за раму зеркала. Музыка, к концу танца снова ставшая печальной, стала затихать и смолкла, а зал после мгновения тишины взорвался аплодисментами и криками: «Юлианна! Bravo, Юлианна!» Александра хлопала вместе со всеми, успев незаметно стереть слезу.

Пока Аннушка и Юля танцевали, их Хранители, Ангел

Иоанн, которого знакомые Ангелы чаще звали просто Иваном, и Ангел Юлиус, стояли за кулисами, следя за ними любящими глазами и обмениваясь впечатлениями.

— Как ты думаешь, брат, поймет отец, что хотят сказать этим танцем наши девочки? — спросил Ангел Юлиус.

— Конечно поймет! Как не понять, коли даже ты — Ангел, и то слезу пустил! — улыбнулся Ангел Иоанн.

— Я вспомнил, как одиноко жилось моей Юленьке до приезда сестры. Очень выразительный получился у них танец, прямо-таки говорящий! Спасибо тебе, братец Иван!

— Да за что же? Это ведь не я их танцевать учил, и танец тоже не мною придуман.

— Да я не про танец, я про нашу жизнь вообще! Плохо нам с Юленькой жилось до вашего приезда.

— А, ты вот о чем! Да что там благодарить, не чужие ведь. И они не чужие друг другу, и мы с тобой... — У сурового Ангела Иоанна тоже дрогнул голос. — А и в самом деле дивный получился танец! Дома я сколько раз видел, как они танцуют этот грустный вальс, но так трогательно у них ни разу не выходило.

— Еще бы, ведь тут на них смотрят и зрители, и отец родной!

— И Павел Иванович, которого они так любят, тоже в зале.

— А ведьмы Жанны, которую они так не любят, в зале нет... Между прочим, Жанна тоже собиралась пойти на

концерт и только в последнюю минуту передумала. С чего бы это? – встрепенулся Ангел Юлиус. – Поди, опять какую-нибудь пакость затевает?

– Да она без этого и не может. Давай-ка, брат, оставим девочек с отцом и Павлом Ивановичем под охраной их Ангелов, а сами слетаем, поищем Жанну и посмотрим, чем это она там занимается?

– Надо бы...

– Ну так летим!

Никому не видимые Ангелы скользнули через сцену в зал и полетели к Ангелам Хранителям Димитриусу и Павлосу, стоящим возле своих подопечных. Подлетев, они объяснили им ситуацию:

– Жанна в последнюю минуту отказалась идти на концерт, сославшись, как всегда, на головную боль. Может, ей просто не вмоготу на чужую радость любоваться, а может, какое новое зло затевает. Хотим слетать и проследить за нею. Присмотрите тут за нашими девочками, братие?

– Присмотрим, – пообещал Павлос и обернулся к Димитриусу: – Ты тут оставайся, в зале, а я тем временем облечу вокруг лица дозором, обстановку выясню...

Трое Ангелов вылетели из зала, один остался на месте.

Когда зал уgomонился и перестал хлопать, Александра встала и пошла к выходу. Ей было одиноко, как той девоч-

ке на сцене, и стало вдруг так горько-горько, что она не будет преподавать в лицее, где учатся эти чудесные близняшки. Она еле-еле сдерживала слезы – не плакать же на виду у веселых лицеистов! Лучше уж она пойдет на улицу и там, если настроение не переменится, немножко поплачет. Чтобы никто не видел.

А вот Александрос, Хранитель ее, плакать не стеснялся: он шел за своей подопечной к выходу и плакал не видимыми людскому миру ангельскими слезами. Но слезы его заметили другие Хранители, стоявшие возле крещеных лицеистов. Ангелы сочувственно глядели ему вслед. Но плачущий Ангел помощи не просил, и поэтому они постеснялись к нему подойти.

Александра спустилась по лестнице и толкнула тяжелую старинную дверь лицея. Метель тут же швырнула ей в лицо пригоршню мокрого снега, сорванного с ближайшего карниза. Она спустилась с крыльца, остановилась на дорожке и стала застегивать куртку.

Ангел Хранитель вышел за нею и тоже остановился на крыльце.

– Что за беда приключилась с тобой, брат? Может, помощь нужна?

Александрос оглянулся. Рядом стоял статный, широкоплечий Ангел в зеленом стихаре.

– Со мной? А что со мной может случиться, брат? Вот

подопечной моей трудно. Видишь вон ту светлую девушку? Это моя...

«Светлая?» – удивились бы вы, если бы услышали слова Ангела: кудри у Александры были черные, а глаза цвета шоколада без малейшей примеси молока. Ну да ведь Ангелам виднее, кто из нас светлый, кто серенький, а кто и вовсе темный.

– Сирота? – спросил Ангел в зеленом стихаре.

– Сирота, – кивнул Александрос. – А теперь еще и бездомная и безработная сирота. Ну да эти испытания ей Богом ниспосланы, так что роптать не приходится.

– Знаешь что, братец? А ты, не ропща, просто расскажи мне в чем дело-то? Не бойся, не убежит твоя подопечная, если ты минуточку-другую со мной побеседуешь. Догонишь, по-ди!

– Догоню, вестимо. А ты почему ко мне подошел? Тебя послали?

– Да нет, никто меня не посылал. Я сам вижу, что ты не наш, не питерский, а странствующих Бог велит привечать и помогать им в дороге.

– Угадал ты, брат. Московский я Ангел Хранитель, а зовут меня Александрос.

– Ну а я – Павлос. Будем отныне знакомы.

– Так слушай, брат Павлос, мою заботу! Оба родителя моей Александры в одночасье погибли в автокатастрофе. После Перехода родителей в другую жизнь Александра

осталась со старшей сестрой. Сестра три года о ней заботилась, помогла ей университет окончить, а недавно... В общем, замуж она вышла, и Александра моя начала ей немножко... ну как бы это сказать...

— Говори прямо — стала ей мешать.

— Вроде того, — вздохнул Ангел. — Вообще-то она хорошая, наша старшая сестра Евгения, но тут вдруг выяснилось, что она непраздная, ребеночка ждет...

— Непраздная — это замечательно!

— Да, конечно! Только вот квартирка-то им от родителей досталась из двух крохотных комнаток. Ну, я и надумил мою Александру оставить молодым супругам квартиру в Москве и уехать в Петербург к тетке, родной сестре ее покойной матери. Так все хорошо было задумано! Тетка эта, раба Божия Мария, одинокая старая дева, ей вскоре, через четыре года примерно, предстоит пережить инсульт и стать инвалидом. Мы с ее Ангелом Хранителем посоветовались и решили, что хорошо бы моей Александре загодя у нее поселиться: сейчас тетушка племянницу пригреет, поддержит, а потом та за нею ухаживать станет — вот и будет между ними любовь да взаимная подмога. Но не тут-то было! Тетка так привыкла жить одна, такая она самовластная и самодостаточная, что племянница с первого же дня стала ее раздражать. И ведь не объяснишь ей, что на эту-то племянницу у нее единственная надежда в будущем! В общем, уходить нам от тетки надо, чтобы в еще

большой грех ее не вводить. А куда идти – на улицу?

– Да, сиротам в нынешние времена нелегко жить.

– Именно. Никому, можно сказать, кроме меня не нужна моя Санечка. Вот и маемся мы с нею вдвоем: от тетки съезжать надо, а работу найти никак не удастся – такую, чтобы хватило и на жизнь, и на жилье.

– Беда... Жаль-то как девушку!

– Да ведь и тетку жаль: вот сляжет она, и стыдно ей будет племянницу на помощь звать.

– Ну, это ты зря беспокоишься: неужто ты не подсказеешь своей подопечной, что за немощной тетушкой уход нужен? Девушка хорошая, она и не вспомнит старые обиды...

– Подскажу, конечно, и Александра прибежит на помощь! Только вот самой-то тетке как неловко будет...

– Ну, ей для смирения даже полезно будет перед Переходом принимать заботу обиженной племянницы.

– Это так. А лучше бы она сейчас сироту пригрела...

– Вестимо! Ангел-то у тетки есть, говоришь? Мог бы подействовать...

– Ангел есть, да она его не слушает и никогда не слушала!

– Беда...

– Впрочем, не будем чужих подопечных судить, – и тут же Ангел Александрос перевел разговор на другое. – А ты тут при лицее служишь, брат?

– Нет, я с соседнего Крестовского острова, мы на празд-

ник сюда слетелась. Под крылом у меня начальник охраны одного бизнесмена, он тут сейчас присматривает за его двумя дочками, сестрами-близнецами.

– Это случайно не те, что танцевали «Танец с зеркалом»?

– Они самые, Анна и Юлия Мишины. Все их зовут общим именем Юлианна, чтобы не путаться.

– Хорошие девочки, светленькие такие, и танец их нам с Александрой понравился. Ну, прощай, брат, мне пора лететь! Все-таки места пустынные, и вечер уже, и метель – нельзя молодую девушку без присмотра на улице оставлять!

– Что ж, лети, брат! Рад был знакомству. А если вам понадобится помощь – призывай меня без всякого сомнения, Ангел Александрос! И я, если узнаю что-нибудь насчет работы для твоей подопечной, тут же сообщу вам.

– Спасибо тебе и за ласковые слова, и за добрые намерения, Ангел Павлос!

Ангелы распрощались, помахали друг другу крылами и разлетелись.

– Папочка, как тебе понравился наш танец? – спросила одна из Юлианн. Сестры уже переоделись и спустились в зал.

– Очень понравился! – ответил отец. – Чудесный танец у вас получился, дочери мои милые, дочери мои любимые! – бизнесмен Мишин иногда обращался к дочерям, как купец из старинной сказки про аленький цветочек.

– А вам, дядя Павел, понравилось? – спросила другая Юлианна Павла Ивановича.

– Конечно! Очень хорошо вы танцуете – ну просто самый настоящий балет! Я даже не ожидал, что вы так умеете, хотя много раз видел, как вы танцуете с папой и друг с дружкой.

– А что ж вы такой грустный танец сочинили, дочурки? – спросил Дмитрий Сергеевич.

– А ты что, не понимаешь, папа? – нахмутив тонкие бровки, спросила Юлька.

– Нет, не понимаю.

– Ну, какой непонятливый... Аннушка, скажи ты!

– Девочки радуются, что встретились и горюют, когда им приходится расставаться, – объяснила Аннушка, доверчиво прижимаясь к отцовскому плечу.

– И мы тоже горюем, – вздохнув, добавила Юлька. – Нам ведь тоже скоро придется расстаться...

– А это вы с чего взяли, Юлианны? – удивился Мишин.

– Нам Жанна сказала.

– Да слушайте вы ее больше, эту Жанну! – рассердился отец. – Никто вас разлучать не собирается! Вот мы поедем на весенние каникулы к бабушке и уговорим ее переехать к нам жить навсегда. Кстати, а почему это Жанна не пришла на концерт? Вы ее приглашали?

– Мы ее пригласили, папа, – сказала Аннушка.

– Мы бы сами ни за что этого делать не стали, но Аннушка сказала, что иначе ты расстроишься, – откровенно призна-

лась Юлька. – Мы, конечно, хорошо сделали, что все-таки пригласили Жанну, как ты хотел. Но она сделала еще лучше, что не ответила на наше приглашение!

Мишин только вздохнул тихонько: отношения у его дочерей с будущей мачехой явно не складывались.

– Пора бы ему выводы сделать! – заметил вернувшийся с улицы Ангел Павлос.

– Всеми свое время, – заступился за подопечного Ангел Димитриус. – Поспеишь – и Ангелов насмеишь.

– Ладно, заступник! Лучше подумай, как ему помочь с Жанной разобраться.

– Да я стараюсь, – вздохнул Ангел Димитриус. – Но ведь человек не Ангел, он имеет право на заблуждения и ошибки!

– Жанна уехала к какой-то специалистке посоветоваться насчет своей головной боли, – с едва заметной усмешкой доложил Павел Иванович.

– Ах, эти ее вечные головные боли! – досадливо заметил Мишин. – Но с чего это она взяла, что нашим девочкам придется разлучаться?

– Она говорит, что раз наша бабушка выздоровела, то мне скоро придется ехать обратно в Псков, – сказала Аннушка.

– А ты не хочешь?

– Хочу, конечно! Но только вместе с Юлей и с тобой!

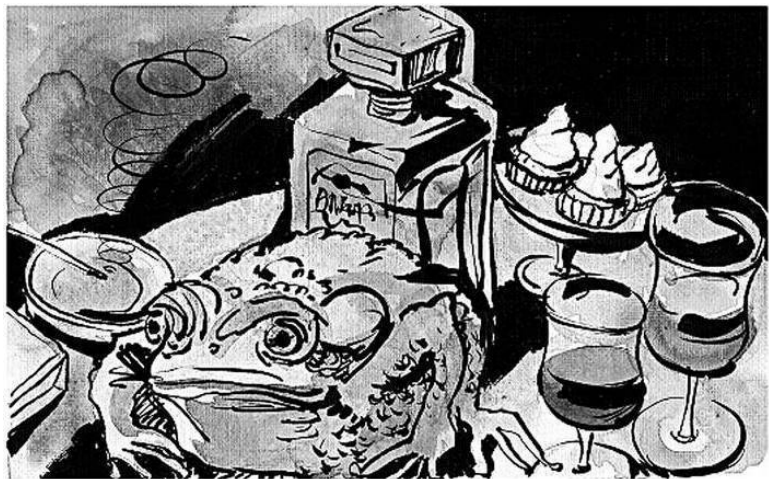
Папа засмеялся.

– Ну, так навряд ли получится. Только и Жанна ерунду говорит: разлучать вас никто не собирается, жить вы будете вместе. И бабушка с нами. Ну и Жанна, конечно.

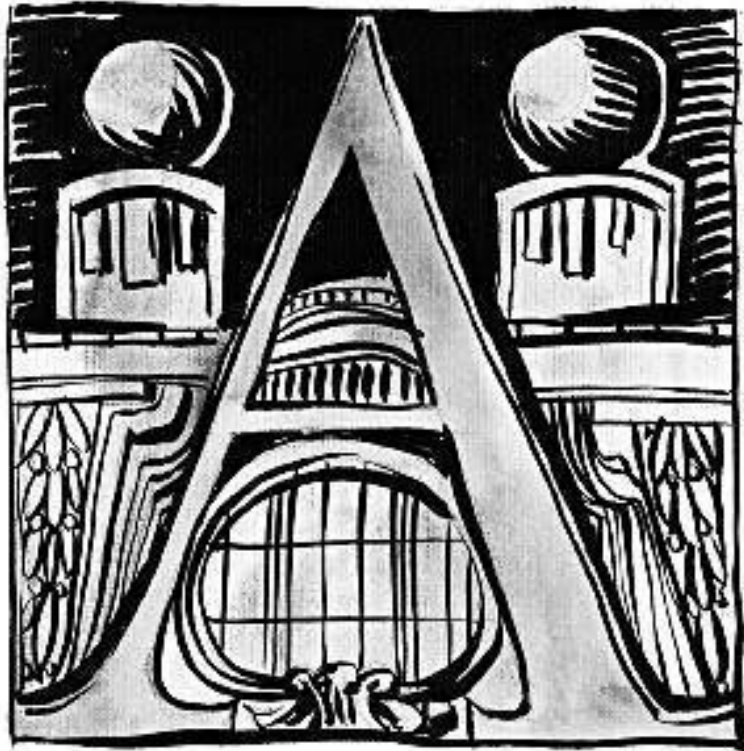
– А Жанна-то зачем нужна, если с нами будет бабушка? – спросила Юлька.

– Ш-ш-ш! Смотрите, ваша подружка Кира вышла новый номер объявлять – давайте послушаем! – дипломатично ушел от ответа отец.

И все четверо снова повернулись к сцене.

Глава 2

А в это время Жанна, невеста Дмитрия Мишина и кан-

дидатка в мачехи его дочерям, подошла к дому-башне на Петроградской стороне. Здесь жила ее старинная подруга Агафья Тихоновна Пуповзорова, колдунья и ясновидящая. Жанна позвонила в домофон и почти сразу же услышала в ответ ликующее приветствие:

– Жанночка! Жабка моя зелененькая! Какими судьбами?

– Привет, Ага. Извини, что я без звонка. У меня к тебе дело, срочное и важное.

– Вот как! А я-то прозрела тебя и удивилась, я ведь не ждала тебя. Ну, поднимайся скорее, на улице вьюжно.

– «Прозрела» она, как же! В окно увидела небось... – прошептала Жанна.

– Да нет, не в окно: окна у нее на двадцать втором этаже, оттуда подъезд не видно, – сказал Жанне сопровождавший ее бес по имени Жан. У беса был вид гигантской ящерицы, черной, гребнистой, зубастой и мерзкой. Он шел рядом с Жанной, как ходят рядом с хозяевами большие и послушные собаки. Но кто тут был хозяином и кто кого слушался – это еще большой вопрос!

– Не хочешь ли ты сказать, что она и в самом деле прозорлива? – фыркнула Жанна. – Это, скорее, очередной ее фокус.

– А вот тут ты угадала, хозяйка. В кнопку домофона у нее вмонтирована старая шпионская камера – визитеров

удивлять и сразу ошарашивать. Большие деньги отдала за нее ведьма!

– Я так и поняла, что это ее рекламные штучки. Ох, да наплевать, лишь бы в деле помогла!

– *А вот это – сомнительно.*

– Ты думаешь?

– *Прозреваю, что это ей не по силам! – ухмыльнулся бес. – Хотя, конечно, кое-что в магии она понимает, не то что ты.*

Жанна замахнулась на него сумочкой.

– Ну ты, динозавр-недоросток!

– *Но-но! – пригрозил бес когтистой лапой.*

Жанна отступила в раскрывшуюся дверь лифта и пригласила беса:

– Входи, Жан, и не обижайся!

– *Я – на тебя обижаться? Как ты могла подумать, дорогая! – А про себя добавил ехидно: «Глупая! Какой же бес станет обижаться на свою добычу, пока она у него в ру-*

ках?»

Ведьма встретила их на пороге квартиры. Почему-то на ней был белый медицинский халат, накрахмаленный до хруста.

– Проходите, проходите оба! – радушно пропела она с порога.

Ого! А вот это был уже высокий класс: Агафья Тихоновна действительно разглядела Жана, хотя тот и не проявлялся на материальном уровне. Впрочем, потому Жанна к ней и явилась с визитом, что Ага в кругу общих знакомых слыла все-таки весьма продвинутой ведьмой, давно и успешно сотрудничающей с бесами.

– Все хорошеешь, змеечка моя зеленоглазая? – спросила Ага, оглядывая Жанну критическим оком. Сама она тоже была довольно хороша собой – этакая подтянутая блондинка: и лицо, и тело – все у нее было подтянуто косметическими операциями. Поэтому издали Агафью Тихоновну вполне можно было принять за молодую женщину.

– Да ладно тебе! – поскромничала в ответ Жанна. – Я ужасно подурнела за последние полгода. И сплю, и ем плохо. У меня серьезные проблемы, Ага...

Но та замахала на нее руками:

– Никаких проблем с порога! Сначала чай с рюмочкой

«Амаретто» и пирожными из «Норда».

– Мне нельзя пить, я за рулем.

– Глупости! Неужто я не выведу алкоголь из организма своей гостью? Да запросто, одним полужаклинанием! Проходи, садись вот сюда, на диванчик, гадючка! А ты, дракончик, можешь устроиться под диваном. Пыль тебе, надеюсь, не мешает?

Жан, не протестуя, полез под диван. В некоторых случаях он пренебрегал своим достоинством, и тут был как раз тот самый случай: бесу важно было быть в курсе всех дел, затеваемых Жанной. Что-то у нее не ладилось отношения с падчерицами: никак, ну просто никак не удавалось Жанне известить сестер! И бес этим, конечно, был очень огорчен.

Попили хозяйка с гостьей чаю, съели по пирожному, выпили по рюмочке душистого ликера, поговорили о здоровье и о погоде и только после этого перешли к делу.

– А дело вот в чем, – начала Жанна. – Я собираюсь выйти замуж за богатенького бизнесмена, а у него в наличии две дочери... Жутко вредные девчонки!

– Сколько лет-то им?

– Двенадцать.

– А второй?

– Обеим.

– А-а, близнецы! И что ж в них вредного?

– Ну, много всего. Главное – богомолки они! Дом в какую-то церковь превратили, бесов домашних почти всех разогнали.

– Двое нас всего и осталось, я да Михрютка-домовой, – скорбно добавил бес из-под дивана. – Прочие все захирели и от дома отошли. Остались одни минотавры в подвале – бесы мишинских охранников, скотина бестолковая, от них и прежде толку не было.

– Ясно. Так ты, коброчка, хочешь от девчонок избавиться?

– Естественно!

– Понятно. Работа на устранение... А ведь я такими делами больше не занимаюсь, сколопендрочка! Я перешла на целительство и на улаживание конфликтов второго рода.

– Чего-то я, Ага, не понимаю. Ну, целительство – это ясно, а вот как понять «конфликты второго рода»? Межпланетные что ли?

– Да нет! Это семейные конфликты второго рода – между зятями и тещами, невестками и свекровями, двоюродными братьями и сестрами, ну и соседями, само собой. Тут меньше риска, чем при улаживании конфликтов первого рода – между женами и мужьями, родными братьями и сестрами, детьми и родителями. Помирится свекровь с невесткой – моя работа выполнена, съедет теща от нелюбимого зятя – опять же моя заслуга. Ну а если ничего не произойдет, так

еще лучше – тyani и дальше с клиента деньги!

– В таком случае моя проблема как раз в твоём ключе – мачеха и падчерицы. Устрани их, а? Это ж тебе нетрудно!

– Это на первый взгляд, скорпионочка, только на первый взгляд! Падчерицы-то у тебя верующие, церковные, ведь так?

– Ну, так.

– Значит, прежде чем до них добраться, надо ангельскую защиту пробить и молитвенную ограду устранить. Мне такое, извини, не под силу, тут нужен специалист особого профиля!

– Выходит, ты мне помочь не можешь...

– Да уж, прости, змейка!

– Жаль... Выходит, зря я к тебе пришла. Ну, а лечишь-то ты как, Ага? У тебя ж нет никакого медицинского образования!

– А зачем оно мне? Я ведь на кожных болезнях специализируюсь.

– Остроумно! Мази-шмази, таблетки-горошки, ванночки да витаминчики – и порядок! Никто не выздоравливает, но никто и не умирает. Никакого риска.

– Примерно так. Сечешь, медяночка!

– А что это ты так осторожничать стала, Ага? Прежде ты неплохо зарабатывала, работая на устранение.

– Времена меняются, пивочка. То есть, они еще не переменялись, нас пока особо не преследуют, не гоняют и даже

почти не разоблачают. Но старшие маги и низшие силы предупреждают, что вот-вот начнется...

– Опять будет охота на ведьм?

– Хуже.

– Что же может быть хуже?

Старая ведьма оглянулась по углам, наклонилась к самому уху Жанны и громким шепотом произнесла:

– Призрак бродит по России, призрак смерти атеизма! В стране все больше людей начинает верить в Бога, тысячами крестятся, – и вот этой-то православной волной всех нас накроет и смоет подчистую! Ни ведьм, ни магов, ни экстрасенсов в России вообще не останется! – глаза ведьмы при этих словах расширились и потемнели от ужаса.

– Какой кошмар! А может, это только слухи? Разве христианство это не просто мода, которая как пришла, так и уйдет?

– Увы, нет! Мода бывает на заграничные тряпки, на танцы, на азартные игры, наркотики и всяческое распутство, а не на христианство. Поди-ка, выстой в церкви два часа из одной только моды! Сама-то мода где придумана? В аду, тарантулка, в аду!

– Верно говорит Ага! – прозвучало из-под дивана. – Моду мы сочинили. Мы же распространяем миф о том, что христианство в России – это только мода. Кое-кто верит, однако!

– И ты прав, страшненький! Но мода там или не мода, а привольная наша житуха в этой стране, похоже, идет к концу.

– Конец света в отдельно взятой стране? – потрясенно спросила Жанна.

– Конец тьмы в отдельно взятой державе, девочки! – поправил из-под дивана бес. – У нас внизу об этом тоже слухи идут.

– Ты правду говоришь, Жан? Ой-ой-ой!.. Ну да ладно, не будем заранее горевать, – резко оборвала себя Жанна. – Авось, на наш век тьмы еще хватит. Мне бы вот только от противных девчонок избавиться. А там уже можно будет сесть и хорошенько подумать: здесь оставаться и открывать собственное дело или забрать деньги моего Мишина да за границу махнуть? У меня ведь и за рубежом связи имеются.

– А вот мне, бедненькой, здесь придется остаться и затаиться, я за границей конкуренции не выдержу. Вот я и вышла на тропу осторожности. Так что, прости, непосредственно ничем тебе помочь не смогу, эфочка ты моя!² Я больше на устранение не работаю. А вот советом – помогу.

² Э ф а – ядовитая змея.

– Ну, помоги хоть советом, Ага!

– Адресок я тебе подкину интересненький и рекомендацию дам. Девчонки у тебя, говоришь, церковные? Так вот есть у меня на примете ведьма, которая именно по таким делам большой специалист – православная ведьма!

– Это как же так? – опешила Жанна. – Ведьма – и вдруг православная!

– А вот так, скорпеночка³. Каждая ведьма маскируется как умеет: я медицинским халатиком прикрываюсь, а матушка Ахинеюшка – монашеской ряской. Конечно, позиционирует она себя не ведьмой, а «православной целительницей и духовной помощницей», только это ведь одно и то же, как мы понимаем. У нее весь дом иконами обвешан, святой водой заставлен. Только иконы эти нельзя в церковь вносить – тут же сгорят! А своей «святой водичкой» она потихонечку травит тех, кого ей «закажут» клиенты. Такой вот у нее бизнес, крокодилочка!

– Ну дает бабулька! – захохотала Жанна. – Через святыни – травить! Класс! Давай адресок, Ага!

Адресок был тут же записан на бумажке и вручен Жанне.

На прощанье Агафья Тихоновна хотела было обнять Жанну, но та уклонилась:

– Без этих нежностей, пожалуйста! А то еще удушишь ненароком... по привычке! Пока, красавица-удавица!

– Тебя удушишь, анакондочка! – сказала Ага, закрывая

³ С к о р п е н а – ядовитая рыба.

входную дверь за посетителями на сложный заграничный замок. Она пересчитала сунутый ей Жанной гонорар, осталась довольна и даже запела песенку времен своей молодости:

Эту песню запекает
Молодежь, молодеж-ж-жь, молодеж-ж-жь!
Наш-шу песню не задуш-ш-шишь,
Не убьеш-ш-шь, не убьеш-шь, не убьеш-шь!

Агафья Тихоновна, судя по дремучей этой комсомольской песне, была намного старше, чем казалась! Оставшись одна, она приободрилась: может, права Жанна, и на их век дураков в России еще хватит? Но тут она вспомнила, что ее старинного дружка, пророка и серийного воскрешателя Гришеньку Грабового⁴ уже посадили в тюрьму за мошенничество, и пригорюнилась...

А Жанна решила посетить «православную ведьму» не откладывая. Жила мать Ахиня в двухэтажном домике-флигельке в Коломне – одном из старейших районов Петербурга. Домик стоял во дворе, и в сгустившихся сумерках Жанна едва его разыскала. Она позвонила, как было велено, три раза коротко и один подлиннее – условным звонком. Открыла

⁴ Григорий Петрович Грабовой, известный авантюрист и обманщик, выдававший себя за академика и профессора, а также и за новое воплощение Христа. Главная афера – «воскрешение мертвых», в том числе детей, погибших в Беслане, за что был арестован (5 апреля 2006 г.), осужден за мошенничество и обман и отбывал срок в местах заключения. Предсказывал о себе, что в 2008 г. станет президентом России, что, естественно, не исполнилось.

ей дверь сама матушка, и Жанна, увидя ее на пороге, сначала отшатнулась и хотела было бежать без оглядки. Но тут она вспомнила, что бежать-то ей больше некуда, других адресов у нее под рукой нет, и решила остаться.

Матушка Ахиня и вправду была похожа на монахиню. Небольшое круглое личико ее на первый взгляд казалось очень добрым и все состояло будто из яблочек: крутой ее лобик напоминал антоновское яблоко, две круглые румяные ранетки составляли щеки, две маленькие желтенькие китайки – подбородок с ямочкой посередине, а носик – красненькое райское яблочко. Подрясник на матери Ахинее был черненький, к монашескому кожаному поясу вязаные четочки подвешены, на голове суконная шапочка-скуфеечка, на груди медный крест на цепочке – ну как есть монашечка! Только вот крест – перевернутый.

Что сразу же отметил Жан и поспешил успокоить Жанну:

– Не пугайся, хозяйка, это не настоящая монашка, а ряженая! – Он довольно ухмыльнулся, ощерив акулы зубы. – И крестик-то, обрати внимание, перевернутый, как и положено по всем законам святотатства!

– Прошу пожаловать, гости дорогие! – пригласила матушка Ахиня: она тоже, как и ведьма Ага, сразу разглядела бе-са. – И пусть дизайн моей келеечки вас не смущает, это только для рядового клиента!

«Келеечка» оказалась большой, погруженной в сумрак комнатой; освещалась она лишь лампадкой из угла и желтым черепом-лампой на столе. Угол с лампадкой был сплошь завешан иконами. Жанна содрогнулась, увидев иконы, и опять нерешительно остановилась в дверях.

– Это декорация, Жанна, не бойся! Подойди поближе и погляди, какие тут иконы! – Жан, смеясь, лапой подтолкнул ее к «святому углу».

Жанна подошла, пригляделась и успокоилась. Со злобным удовлетворением она отметила, что глаза и сложенные для благословения руки святых были замазаны черной краской. А на некоторых иконах вместо святых были утопленные в оклады фотографии кинозвезд и даже парочка олигархов.

Жан демонстративно протопал в «красный угол» и улегся под глумливыми образами, свернулся клубком и положил мерзкую голову на передние лапы. Уютно ему там было, безобразнику!

– Ага мне позвонила и все про твою беду поведала, – тут же приступила к делу хозяйка. – А я твою беду – руками разведу! Присядь пока на диванчик, красавица. Чайку?

– Можно чашечку, если это не слишком хлопотно. Холодно на улице. А я одета не по погоде...

– Оно и понятно. Как у нас в народе говорят, верхняя одежда крутого мена – его автомобиль...

Матушка Ахинеюшка принялась хлопотать, готовя чай, и при этом продолжала беседу.

– Как там Ага поживает, все такая же красотуля?

– Да, она недурно выглядит.

– А ведь мы с нею почти ровесницы... К сожалению, я не могу поступиться правдой жизни во имя красоты... Имидж, имидж обязывает! Кто же доверится молодой монахине? А вот кипяточек-то уже и поспел к вашему приходу! – сообщила матушка Ахинея, потирая желтые ручки без колец и даже без маникюра, «украшенные» только коричневыми старческими пятнышками. – Кипяточек готов, сейчас травки заварим и попьем чаечку! Прошу к столу!

Жанна села на указанное место возле стола, на узкий и неудобный старинный резной стул с потрескавшимся кожаным сиденьем и высокой спинкой. На столе, рядом с черепом, уже стоял электрический самовар и стеклянный заварной чайник, на дне которого лежал коричневый и на вид какой-то подозрительный комочек. Мать Ахинея налила в чайник кипятку из самовара, комок распустился в горячей воде и превратился в подобие морского животного с шевелящимися щупальцами. По комнате поплыл приторный и даже слегка гниловатый запах. Появились две черные китайские лаковые чашки с золотыми драконами, и хозяйка с гостьей приступили к чаепитию.

– Выкладывай свою заботу со всеми подробностями, ничего не стесняйся! – пригласила хозяйка, и Жанна рассказала о своих злоключениях участливо слушающей матушке Ахинее.

– Ну что я тебе скажу? – сказала та, когда Жанна окончила рассказ. – Извести твоих девчоночек я, конечно, могу. Но работа предстоит большая, серьезная, и плату я за нее спрошу тоже серьезную. Деньги-то у тебя есть али одна только красота в наличности? Красота ведь нонче не капитал, а только средство к приобретению капитала!

– Денег у меня достаточно, об этом не беспокойтесь, матушка.

– Это хорошо. А еще ты мне рекламу сделаешь в кругах «новых русских». Много у тебя таких знакомых?

– Много, матушка. У меня других знакомых и нет.

– Вот и расчудесненько! Поможешь мне рейтинг поднять, а то конкуренты больно одолевают. Сама понимаешь, без рекламы на эзотерическом рынке не пропихнешься, а пиар нынче дорог, ах как дорог пиар-то, девушка!

– Я вам обещаю отличную рекламу в самых серьезных кругах, матушка, и даже на самом верху, но только потом, когда стану мадам Мишиной.

– Само собой, само собой. Вперед я с тебя, голубушка, возьму только деньги, простые и обыкновенные деньги.

– Сколько?

– Для начала – тысячу.

– В долларах? – спросила догадливая Жанна.

– В евро. Долларский курс чтой-то круто пошел на снижение. Ох, боюсь, вот-вот паника на валютной бирже начнется!

– У меня с собой только доллары...

– Ну, ин ладно. Сколько ж это у нас будет по нонешнему курсу, если еврики в зелененькие перевести? – матушка Ахинейя извлекла из кармана подрясника калькулятор и ловко им пощелкала. Сумма матушкой была названа и тут же выложена Жанной на стол.

– Ну, а теперь тихими стопами да прямиком к делу, лапуля. Чтоб иметь подступ к девчонкам, надобно обезвредить вокруг них духовную защиту. Рабочее пространство, так сказать, обеспечить. Для этого ты мне должна будешь перетаскать по одной все иконы, какие есть у них в комнате. Я эти иконки дезактивирую, а ты их потом на место вернешь. Я их так обработаю, что ни один Ангел к ним не приблизится, не говоря уже о Святых! И святую воду, если она у них есть, прихвати. Сумеешь ты мне сюда всю эту их православную атрибутику доставить?

Жанна замялась.

А Жан в углу недовольно и предостерегающе заворочался, свирепо глядя на Ахинейю.

– Не знаю, мать Ахинейя... Боюсь, что не смогу я прикоснуться ко всему этому – к иконам, к святой воде...

– Вот, значит, как? Да ты, видать, далеко продвинулась, зайка моя! Хвалю, хвалю... А вот скажи мне, умница, надежный человечек у тебя в доме имеется, чтобы эту работу за тебя проделать и никому не проболтаться?

– Нет у меня такого человечка. Все теперь против меня. и домоправительница, и горничная, и секретарь моего Мишина, и даже его охрана.

– Это усложняет дело и потребует от тебя лишних вложений.

– Да я согласна, матушка, вы только помогите! Сил у меня больше нет моих падчериц терпеть, извели они меня вконец!

– Понимаю, понимаю, краса ты моя подколотная... то есть, ненаглядная! А мы вот что сделаем: мы на их территорию своего агента забросим.

– Подружку им, что ли, подсунем?

– Никакая твоя подружка не сможет святынями манипулировать, для этого бо-о-ольшая подготовка требуется! Мы это дельце иначе провернем. Они ведь малолетние, за ними глаз да глаз нужен?

– Еще как нужен!

– О-кеиньки! Значит, их отца ты без особого труда сможешь обработать в нужном направлении. Ты ему скажешь, голубушка, что девицам в переходном возрасте полезно иметь воспитательницу – бонну, гувернантку. Это теперь последний писк домашней педагогики – гувернантки. Ты отца уговоришь, а о подходящей кандидатуре я сама позабочусь.

Дашь объявление в местную газетку, а я тебе, будто бы по объявлению, пришлю свою кандидатку. И красотку, и веселую, и современную, и православную – напоказ только, конечно. Всех подряд и наповал очарует! И вот эта моя гламурненькая и православненькая гувернанточка все ихние иконки по одной ко мне на обработку и перетаскает. Ну как, милушка, нравится тебе мой план?

– Еще бы! Так, может, она их заодно сразу и отравит?

Жан прислушивался к беседе двух ведьм с большим интересом, а тут и вовсе встrepенулcя и даже на задние лапы привстал.

Но у матушки Ахинеи был свой план действий:

– Травить будем поэтапно. Сначала духовно, а уж потом и физически.

– А если наоборот? Сначала отравить тело, а потом, когда они ослабеют и заболеют, уже и души их православные?

– В такой очередности не проходит. Этак можно по неосторожности из обыкновенных девчонок святых мучениц сделать. А ну как они, ослабев телом, начнут еще больше о спасении своих душ беспокоиться? А вдруг они болезни свои с кротостью и терпением переносить станут? Оно тебе надо?

Жан разочарованно плюхнулся на брюхо и отвернулся. –

Конечно нет! – испугалась Жанна. – Святых мне только в доме не хватало!

– Вот именно. Помрут они в таком-то вот безобразном состоянии духа – и сразу на Небеса. А там, ежели ты их отца обидишь – а ты ведь обязательно обидишь, тебе ведь не он, а деньги его нужны, так?

– Ну так.

– Так вот, стоит тебе их отца обидеть, они там наверху попросят кого следует за папочку заступиться, и тебе, душечка, мало не покажется!

Жан в своем углу испуганно взвизгнул! Уж бес-то знал, что маленькие мученики – дети, которые долго и тяжело болели на земле, в момент смерти улетают с земли прямо на Небо, в Райские сады, к Самому Господу, и у Него в любимцах ходят. И на своей черной шкуре знал бес, что бывает, когда эти Божьи любимчики заступаются за своих родителей, за братьев и сестер, за друзей, оставшихся на земле. При мысли об этом бедствии у Жана даже шкура зачесалась!

– Что ж... Я с вашим планом согласна, матушка Ахинея, – не стала спорить и Жанна. – Так когда ждать вашу лихую гувернантку?

– А вот как дашь объявление, так сразу позвони мне «на

трубу». Я уж к тому времени подготовлю свою лучшую ученицу и сразу же пришлю ее к тебе.

– Но пусть эта ваша развеселая монашка к девчонкам не только любовь, но и мягкую строгость проявит, чтобы отец ею доволен остался!

– Уж моя кандидатка сумеет ему понравиться, не беспокойся! И о пароле мы с тобой заранее, прямо вот сейчас договоримся. Пароль такой будет: как войдет она в дом, так сразу споткнется, в долгополой монашеской юбке запутается, подол приподнимет – а под юбкой-то у нее джинсики окажутся! Это чтобы девчонкам понравиться. И скажет моя гувернантка пароль простой и запоминающийся, блин.

– Так какой пароль-то?

– Я ж тебе говорю, касаточка, пароль – «Блин»!

Жанна засмеялась.

– И в самом деле, легко запоминающийся пароль!

– Значит, договорились?

– Договорились, матушка Ахинеюшка!

Довольная Жанна попрощалась, вышла на улицу, села в свою «хонду» и включила дворники: метель все не стихала, и снег уже залепил переднее стекло.

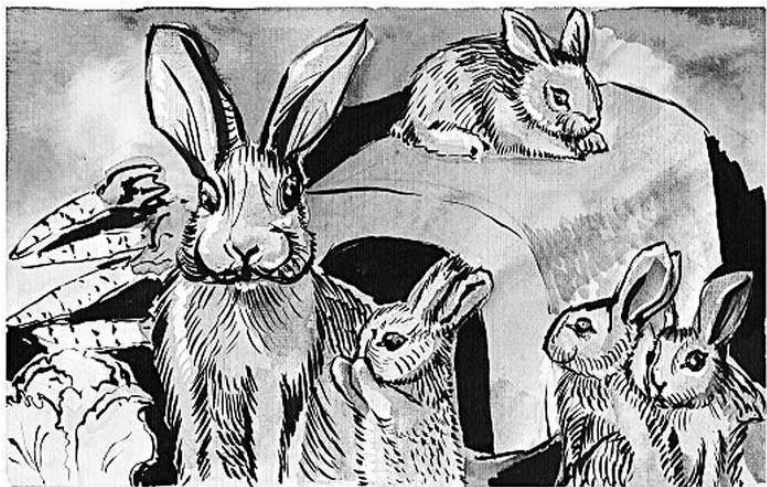
Жан, тоже довольный визитом, улегся на заднем сиденье и задремал.

В белых вихрях снежной выюги ни ему, ни Жанне не видны были Ангелы, летевшие над машиной.

– Иван! Жанна, видно по всему, собирается начать новую крупную игру! – сказал ангел Юлиус.

– Пройграет! – успокоил его Ангел Иоанн. – Нам ее игра в «дочки-мачехи» не страшна. Надо только с самого начала держать все под контролем. Попросим всех Ангелов нашего дома следить за нею.

– Верно, брат! Так и сделаем.

Глава 3

У Павла Ивановича Орлова была привычка бегать для

здоровья не только по утрам, но и перед сном. Вернувшись с концерта и поужинав, он отправился на свою обычную вечернюю пробежку.

Мокрый снег все валил и валил, и никто его, конечно, не убирал и даже не думал убирать до утра – а может, и до следующего понедельника. Он лежал толстым покровом на всем пути Павла Ивановича, бежать по глубокому снегу было трудно и жарко, и вскоре он скинул на бегу куртку, а затем и свитер, и бежал теперь по пояс голый, но все равно пар от него так и валил.

А потом ему вдруг захотелось бежать не к усадьбе Белосельских-Белозерских, как он всегда бегал, а почему-то как раз в другую сторону – к гостинице, носившей незамысловатое название «Крестовский остров». И Павел Иванович, послушавшись внутреннего голоса, изменил привычный маршрут.

«Внутренним голосом» Павла Ивановича был, конечно, голос его Ангела Хранителя. Павел Иванович в него верил, молился ему каждый день дважды, а перед причастием специальный «Канон Ангелу Хранителю» читал, но по простоте своей думал, что слушается не Ангела, а своего внутреннего голоса. Впрочем, так ведь и многие думают. Но Ангел Павлос на него совсем не обижался: он очень любил своего добродушного, крепкого в вере и мужественного подопечного.

Пробегая по набережной в том месте, где река Средняя Невка омывает сразу три острова – Крестовский, Елагин и Каменный – Павел Иванович вдруг заметил на скамеечке сгорбившуюся, почти занесенную снегом фигуру. «Бомж или пьяный, – подумал он. – Замерзнет, не дай Бог, насмерть, бедняга... Придется будить и поднимать!» Он перешел на шаг, приблизился к скамье и тронул замерзающего бомжа за плечо.

А это был вовсе и не бомж, и уж тем более не пьяный, а бедная девушка Александра, сидевшая в ожидании часа, когда можно будет вернуться к тетушке. Она сидела, сидела и задремала... А потом и вовсе уснула!

А рядом с нею стоял как на часах недремлющий Ангел Александрос.

– Приветствую тебя, брат Александрос! – раздался с неба бодрый и веселый голос. – Вот и свиделись мы, и даже раньше, чем ожидалось!

– Брат Павлос! Откуда ты взялся?

– Искал вас – и нашел. Сейчас мы с тобой будем наших подопечных знакомить.

– Вот хорошо-то! Спасибо тебе, брат!

– Давай стараться, чтобы они сразу подружились.

– Давай, брат!

– Эй, друг! А ну проснись! – произнес над Александрой

грубый мужской бас.

Александра разлепила намокшие ресницы, поглядела и ужаснулась: перед нею стоял страшный полуголый громила, а его огромная горячая лапища лежала у нее на плече. Но тут же она сама себя успокоила: «Это мне снится. Не ходят в метель по островам полуголые бандиты...» – Она немного повозилась, устраиваясь поуютнее, и снова зажмурила глаза.

– Эй, парень, не спи! Так и замерзнуть недолго!

– Кончай мне сниться, обормот противный и голый! – пробормотала Александра, не размыкая глаз.

– Э, да это ж девчонка! – воскликнул Павел Иванович и еще сильнее затряс ее за плечо. – Просыпайся сейчас же, глупая, замерзнешь!

Пришлось Александре проснуться совсем.

– Ну что вы меня трясете? Чего вам от меня надо?

– Мне от тебя ровным счетом ничего не надо, а спать на улице я тебе не позволю. Ты что, пьяненькая?

– С чего это вы взяли?

– Ну, спишь тут, на скамейке... Непонятно!

– А вы голый в метель по улицам ходите – это что, по-вашему, очень понятно?

– Так у меня пробежка!

– А у меня – прогулка!

– Так, ясно. А ну вставай и давай прогуливаться вместе в сторону твоего дома! Ты где живешь-то?

– В данный момент – здесь.

– Я тебя серьезно спрашиваю: адрес у тебя какой, куда тебя проводить?

Не отвечая ему, Александра сдвинула рукав куртки и край варежки, чтобы взглянуть на часы.

– У тебя что, адрес на часах записан?

– Да нет. Просто я смотрю, можно ли мне уже домой идти или еще рано.

Павел Иванович не особенно удивился – мало ли какие бывают семейные обстоятельства.

– Ну так что? Можно тебе уже идти домой?

– Можно. Если не слишком торопиться.

– Ладно, давай не спеша поторапливаться! – И Павел Иванович стал натягивать на себя свитер и куртку.

– А вы чего одеваетесь? Вы же голый бегаете!

– Бегаю. Но если не бежать – замерзну. Мы же вместе пойдем.

– Это еще зачем – вместе? – подозрительно спросила Александра.

– Провожать тебя пойду. Вставай давай!

– Нечего меня провожать, я и так дойду...

– Ты давно на нашем острове живешь?

– Да не живу я тут. Я случайно на острове вашем оказалась. А в чем дело?

– Дело в том, что по этому острову молодым девушкам ночью гулять не положено.

– Так еще не ночь!

– Для тебя – ночь! Несовершеннолетним не рекомендует-
ся гулять по улицам после двадцати одного часа.

– Так это несовершеннолетним. А я сама учу несовершен-
нолетних. Я, между прочим, педагог.

– Да ну? Seriously?

– Серьезней некуда, – вздохнула Александра. – Позволь-
те представиться: безработный и бездомный преподаватель
русского языка и литературы при дипломе с отличием Алек-
сандра Николаевна Берсенева.

Павел Иванович удивленно присвистнул. «Так все-таки
она – бомж! Молодой и образованный бомж. Вот какая
жизнь в стране настала!» – сокрушенно подумал он, а вслух
сказал:

– Давай, рассказывай!

– Чего рассказывать? – не поняла Александра, притопты-
вая на месте изрядно промерзшими ногами.

– Как ты дошла до жизни такой, вот чего! Пошли, ноги
на ходу разойдутся и согреются. И по дороге ты мне расска-
жешь, как это ты вдруг оказалась «безработным и бездом-
ным преподавателем русского языка и литературы при ди-
пломе с отличием».

Александра разок-другой глянула на него исподлобья чер-
ными глазищами и вдруг решила, что дядечка этот совсем
не опасен, а как раз наоборот: если вот такому все про себя
рассказать, то он непременно посоветует что-нибудь основа-
тельное и разумное. Такой уж вид был у Павла Ивановича.

Ну и Ангел Александрос о том же ей на ушко нашептывал.

Когда они дошли до метро, Александра уже почти все ему и рассказала. Тут бы им и расстаться, но упрямый Павел Иванович захотел поехать вместе с нею на метро и проводить ее до самого тетушкиного дома, поскольку тот находился в еще более опасном, чем Крестовский остров, месте, а именно – на Сенной площади. Так он и проводил Александру до самого дома на углу Екатерининского канала и Сенной, дал ей номер своего мобильного телефона и ее телефон домашний спросил, тетушкин то есть, и обещал позвонить, если вдруг узнает что-нибудь о подходящей работе для молодого педагога-филолога. Александра не очень-то надеялась на его обещания. А с другой стороны, у нее что, было еще на кого надеяться? В общем, записала она телефон Павла Ивановича и свой номер ему тоже продиктовала.

Очень довольные Ангелы Хранители тоже попрощались и разлетелись. Они-то были уверены в том, что Павел Иванович обязательно Александре поможет! Ангелы, они такие – прозорливые.

На другой день за завтраком Жанна вдруг задумчиво сказала:

– Знаешь, Митя, у всех приличных девочек в возрасте Юлианн есть гувернантки.

Сестры насторожились, а Дмитрий Сергеевич очень удивился.

– Зачем им гувернантка? Тебе что, надоело за ними присматривать?

– Да нет, что ты! Но все же... Ты часто в командировки летаешь, ну и я хотела бы иногда вместе с тобой путешествовать. Не оставлять же их одних в наше отсутствие?

Сестрицы тут же подхватили мысль.

– А что, пап, у нашей Гули уже есть гувернантка! – сказала Юлька.

– Можно нашу Екатерину Ивановну из домоправительниц в гувернантки перевести, она ведь бывший директор школы, – предложила Аннушка.

– Ну нет! – заявила Жанна. – Без Екатерины Ивановны все хозяйство в доме пойдет наперекосяк. Да и гувернантка должна быть молодая, современная, чтобы девочкам с нею не скучно было. Можно подать объявление в нашу островную газету и выбрать подходящую кандидатуру.

– Соглашайся, Митенька! Ничего худого из этой затеи для наших девочек не будет! – шепнул Дмитрию Сергеевичу Ангел Димитриус.

И Дмитрий Сергеевич послушался своего, как он думал,

внутреннего голоса.

– Неплохая мысль. Акопчик, напиши, пожалуйста, текст объявления и отправь в газту. «Требуется молодая и образованная гувернантка к двум девочкам двенадцати лет».

– Надо бы указать, что желательно с педагогическим образованием, – сказал Павел Иванович.

– И со знанием иностранных языков, – предложил Акоп Спартакович.

– С веселым характером и спортивную! – крикнула Юлька.

– И обязательно православную, – тихо добавила Аннушка. К удивлению присутствующих, Жанна даже на это ничего не возразила.

– Хорошо, – кивнул Дмитрий Сергеевич. – Дадим объявление. Ты составь, Акоп, и покажи Жанне. А ты, Жанна, потом сама отберешь подходящую кандидатуру, если кто явится по объявлению.

– Как скажешь, Митенька, – сказала чрезвычайно довольная Жанна: все складывалось по задуманному плану!

Все присутствующие Ангелы тоже довольно переглянулись, ведь и у них уже был свой ангельский план относительно найма гувернантки.

Уже на другой день местная крестовская газетка вышла с объявлением, приглашающим на работу молодую гувернант-

ку с педагогическим образованием, со знанием иностранных языков и обязательно православную.

– Блин! Блин! Да блин же! – закричала Александра, топая ногой и швыряя в угол последние колготки, на которых дыра оказалась на самом видном месте, прямо под коленкой – а ведь юбка ее делового костюма была выше колен!

Ангел Александрос, услышав пакостное словечко, двинулся было к подопечной, чтобы сделать ей выговор, но что-то его удержало, какой-то знак ему был дан... И Ангел остался стоять на месте, за дверью комнаты Александры, ожидая, когда она оденется и будет готова к выходу. Только головой покачал укоризненно.

– Александра! Ты опять позволяешь себе выражаться эвфемизмами? – раздался за дверью голос тети Муси. – И вообще, что это ты ни свет ни заря поднялась? Меня разбудила, выражаешься на весь дом...

– Я больше не буду, тетечка, честное слово! – Александра сама не знала, как и где она исхитрилась все-таки заразиться выпечкой словесных «блинов». Ну в самом деле, негоже филологу с образованием, школьной учительнице, пусть даже со стажем в одно полугодие, допускать в речи мусорные полупристойности! Конечно, Александра прекрасно знала происхождение словечка «блин»; им еще на первом курсе объяс-

нили, что слово «блин» русские мужчины употребляли вместо крайне нецензурного слова, когда находились в присутствии женщин – из уважения к ним. Это в филологии называется «эвфемизмом». И уж конечно, сегодня ей употреблять эвфемизмы никак нельзя, ведь она идет наниматься гувернанткой в приличный дом, к православным детям! К тем самым чудесным двум девочкам, что танцевали в лицее на Каменном острове «Танец с зеркалом», к Юлианнам Мишиным.

«Не ляпнуть бы такое у Мишиных!» – подумала Александра и озабоченно поглядела в сторону гладильной доски, на которой были разложены ее единственные джинсы. Она только что прошла по ним раскаленным утюгом, от них шел пар, но было совершенно ясно, что за оставшееся до собеседования с нанимателем время она их не высушит. Ей бы только успеть доехать до Крестовского и отыскать дом Мишиных. «Опять я опаздываю! – горько подумала она. – И чего это, скажите на милость, мне вздумалось вчера на ночь глядя стирать единственные джинсы?» То есть джинсы были не совсем единственные, имелись еще одни – сплошь в цветочных аппликациях, в которых она щеголяла летом.

– Придется что-то другое надевать, – сказала Александра, хватая с гладильной доски джинсы и неся их на веревку в ванную комнату – досушивать.

Ангел вздохнул. Это ведь именно он шепнул ей вчера, когда

она уже спать улеглась, что надо бы встать и постирать джинсы. И он же, да простит его подопечная, нанес непоправимый урон ее последним целым колготкам, чтобы она не могла пойти устраиваться на работу в короткой юбке. То есть он не рвал ее колготок, конечно, а просто подсказал Александре присесть на минуточку в кресло, из обивки которого торчал маленький гвоздик, и в результате – безнадежно порванные колготки. Бедный Ангел Хранитель, как не любил он огорчать Александру! Даже когда это было для ее же пользы.

Александра вернулась из ванной и еще раз оглядела убогий свой гардероб – пяток «плечиков» да две полки. Подумала и решила, что единственный выход – надеть черную шелковую юбку, длинную и довольно широкую, а под эту юбку все-таки натянуть джинсы – для тепла, те самые, с цветочками. Сказано – сделано. Осталось последнее, без чего никак нельзя было выйти из дома. Александра подошла к высокой этажерке, на которой сверху стояла темная, уже почти не различимая, икона Божией Матери – единственное наследство от ее давно скончавшейся бабушки.

– Пресвятая Богородица, спаси, сохрани и благослови! – и через минуту она выскочила из дома и понеслась к станции метро.

В вагон одновременно сели две чем-то похожие на монахинь девушки: обе в длинных черных юбках и черных ша-

почках, надвинутых на самые брови, и в черных спортивных куртках. Вот только прически торчали у них из-под шапочек вовсе не монашеские: у одной кудри черные, крутыми кольцами, а у другой и вовсе буйные, но зато рыжие. И вышли девушки на одной и той же остановке метро, на станции «Крестовский остров», и обе двинулись по направлению к Вязовой улице. Дошли и свернули на нее, и одна пошла по левой стороне улицы, вторая – по правой. Они уже и поглядывать друг на дружку через улицу стали с некоторым подозрением: уж не в одно ли место они обе направляются?

Но тут диспозиция вдруг резко изменилась. На улицу выехал серебристый джип, поравнялся с черноволосой девушкой, замедлил ход и остановился в трех шагах перед нею. Водитель распахнул дверцу со стороны пассажирского сиденья.

– Александра! Это ты?

– Я, Павел Иванович! Здравствуйте!

– Садись в машину!

Александра подхватила подол и неловко забралась на сиденье.

– А я встречал тебя у метро. Но, видно, пропустил, не узнал тебя в этом наряде. С чего это ты монашкой вырядилась?

– Монашкой?! – удивилась Александра. – Да бросьте вы, кто же меня за монашку примет!

– А вот как бы наша Жанна не приняла.

– Это мачеха будущая, что ли?

– Типун тебе на язык, Александра! Мы все в доме надеемся, что Бог не попустит такого безобразия.

– А хозяин дома что по этому поводу думает?

– Ну... Он, скажем так, что-то тянет с женитьбой. Видно, не определился еще.

– Поня-ятно. А юбку поверх джинсов я надела для солидности: что это за гувернантка в джинсиках?

– Лучше бы какой-нибудь строгий костюм... Или у тебя нет такого?

– Да есть, есть у меня деловой костюм! Английский, между прочим! Ну, по фасону английский, а шила мне его мама, специально для школы. Я его хотела надеть, но перед самым выходом вдруг выяснилось, что у меня все колготки продрались... Ой! – Запоздало смутившись, Александра прикрыла рот ладошкой.

– Да, это жуткое дело, когда колготки рвутся! Это страшно почти как война!

– Смеетесь, да?

– Ни чуточки. У меня, Александра, в доме полно женщин: жена, сестра, теща и почти взрослая дочь. Так вот, когда в доме у кого-то неожиданно рвутся колготки, это заставляет меня вспоминать афганскую войну: точно так же я вздрагивал, когда неподалеку рвались снаряды.

– Поня-ятно! Это вы так шутите, да?

– Ну, уж как умею, извини! Я ведь человек в прошлом военный. А сейчас, Александра, мне надо позвонить, и ты мне

поможешь. Достань у меня из кармана куртки мобильник и набери номер, который я тебе продиктую, а потом дай трубку мне. — Зажав мобильный телефон между плечом и ухом, он сказал в него: — Жанна? Тут у ворот я встретил девушку, которая говорит, что пришла по объявлению наниматься в гувернантки. Провести ее к тебе или ты ей назначишь другое время?... Не надо ничего откладывать? Тогда встречай!

Они подкатили к дому и въехали в моментально открывшиеся ворота. Дом и сад Александра не разглядела: во-первых, еще было темновато, а во-вторых — не до того было. Она поднялась вслед за Павлом Ивановичем на крыльцо, элегантно приподнимая юбку на единственно возможную, хорошо рассчитанную высоту — чтобы и не споткнуться, и джинсы не показать. Но в холле оказалась еще одна лестница, на площадке которой, этажом выше, она увидела целое общество: высокую красивую женщину в красном шелковом халате и двух сестер-близняшек в джинсах и свитерах.

Начав подниматься по ступеням, Александра на этот раз не сумела справиться с юбкой, запуталась в ней, споткнулась и с громким возгласом «Блин!» одной рукой ухватила за перила, а другой вздернула край юбки гораздо выше щиколотки, продемонстрировав всем желающим свои джинсы с цветочками. На миг она растерялась и остановилась.

Ангел вздохнул с облегчением: он знал, это был последний раз, когда из уст Александры вылетело поганое словечко.

ко. Уж больше она его никогда не произнесет, он за этим присмотрит! Как и все Ангелы, Александрос с благоговением относился к слову и следил, чтобы речь его подопечной была чиста, не осквернялась ни грязными словами, ни мусором словесным. Тем более что она «филолог», то есть, в переводе с греческого – «любящий слово».

– Ах, да не смущайтесь вы! Поднимайтесь, поднимайтесь, мы уже ждем вас! – приветливо пропела высокая женщина и ободряюще Александре улыбнулась.

Девочки переглянулись и тоже заулыбались.

Александра поднялась на площадку и остановилась.

– Вы, наверное, хозяйка? – спросила она черноволосую красавицу в красном.

– Совершенно верно. Зовут меня Жанна. А вас?

– Александра. А это Юлианны! – весело сказала она, вспомнив чудный «Танец с зеркалом» на лицейской сцене.

– Ну, вообще-то они...

Юлька шагнула вперед и протянула Александре руку.

– По-настоящему меня зовут Юлия, а это моя сестра Аннушка. А откуда вы знаете, что нас прозвали Юлианнами?

– Я была в лицее на рождественском концерте и видела ваш танец. Девочка, которая его объявляла, так и сказала: «Исполняет Юлианна Мишина!»

– Это была Кира, наша подружка, – сказала Аннушка. – Она очень красивая, правда?

– А танец вам понравился? – перебила сестру Юлька.

– Очень! Но я чуть не заплакала, когда вы расставались. Так приятно видеть, что на самом деле вы вместе и даже не думаете расставаться.

– Спасибо, – сказала Аннушка. – Жанна, можно мы отведем Александру в нашу комнату и все ей там покажем?

– Да-да, идите! Вам следует познакомиться поближе. Жаль, что папа уже уехал в офис. Ну, ничего, я сама ему позвоню... И что же мы скажем вашему папочке, девочки?

– Скажем, что нам нравится наша гувернантка! – заявила Юлька. – Классная гувернантка!

Аннушка вслух ничего не сказала, только улыбнулась застенчиво и кивнула, соглашаясь с Юлькой.

Жанна оставила девочек и Александру на площадке, а сама, щелкая каблучками домашних туфель, прошла в свои апартаменты, бывшие когда-то комнатами Дмитрия Сергеевича. Там она первым делом крутанулась вокруг себя, любимой, и громко сказала:

– Все сработало, Жанчик! Гувернантка матушки Ахинеи уже в доме!

– Гламуренькая? – осведомился Жан.

– Просто класс! Наши дурочки уже растаяли!

– Вот и слава Гаду! – Гадом бесы зовут своего адского

владыку, которому служат и поклоняются.

– Слава Гаду! – кивнула Жанна, схватила мобильник, набрала номер и сказала:

– Это я, Жанна Рачок. Гувернантка явилась, спасибо, ма-тушка Ахинея... Да, с паролем все в порядке – и джинсы из-под юбки она показала, и «блин» сказала. Да, ловкая девица, сразу сумела понравиться моим будущим падчерицам... Хорошо-хорошо, я буду крайне осторожна. Я вообще не прочь и вовсе устраниться от воспитания девчонок, чтобы ей случайно не помешать.

Закончив этот разговор, она сразу же набрала другой номер.

– Митенька, а у нас новость! Пришла наниматься гувернантка, и она мне понравилась, а девочкам еще больше: они сразу же увели ее к себе в комнату знакомиться... Нанимать? Так вот с ходу? А ты не хочешь сначала познакомиться с нею, поговорить, посмотреть документы?.. Ну хорошо, Митенька, как скажешь, ты в доме хозяин. В таком случае, я свободна? Сейчас я выпью кофе и, как приличная дама, отправлюсь в салон красоты. До вечера, дорогой!

Сунув мобильник в сумочку, Жанна понеслась по комнате в лихом испанском танце, размахивая полами халата и напевая:

Кофе утром пьют дамы приличные,

чтобы был цвет лица симпатичнее!
Я могу поутру
кофе пить по ведру
и по два, если утро отличное!⁵

Жан присоединился к ней. Он отбивал чечетку, выплясывая на задних лапах, а передними скреб по чешуе на груди: под длинными бесовскими когтями чешуя пощелкивала, как кастаньеты. Оба они были довольны!

– Останешься за девчонками присматривать или со мной поедешь? – спросила Жанна беса, резко прекращая испанские песни и пляски.

– За девчонками теперь без нас есть кому смотреть, – отмахнулся хвостом Жан. – С тобой отправлюсь! Дома неудобно.

Да, в доме Мишиных Жану с каждым днем становилось все неудобней: дом-то становился постепенно маленькой домашней церковью! Куда-то давно исчез проказливый Юлькин бес Прыгун, домовый Михрютка сидел в подвальном уголке почти безвылазно, а приставленный к Акону Спартаковичу бес Недокон ходил за подопечным только на улице да в офисе, в дом уже не рисковал заглядывать. Бесы охранников, минотавры, в подвале в картишки дулись, а наверх не

⁵ Песня группы «Мультики».

показывались. Вот и крутился бес Жан на одном малом пятачке – в будуаре Жанны. Он и с виду хирел и постепенно становился похож не на дракона, а на большую игрушку-динозавра, вытертую и помятую. А по дому Жан чаще ходил не на своих лапах, а ездил на спине у Жанны, вцепившись в нее когтями. Жанне было тяжело и неудобно, но она терпела.

– Ну что ж, – сказала она, – тогда поехали. На свежий воздух хочется, душно мне здесь.

И опять Жан до самого гаража ехал на спине у Жанны и только там перелез в машину.

Выехав из ворот, Жанна увидела возле них рыжеволосую девушку в черном, стоявшую с газетой в руках

– Вам здесь что-нибудь нужно? – спросила Жанна, припустив оконное стекло.

– Да, я пришла по объявлению. Я – гувернантка.

– Вы опоздали, моя милая, гувернантку мы уже наняли, – равнодушно сказала Жанна и закрыла окно.

– Во, блин! – выругалась рыжая, но Жанна ее уже не услышала.

«Все, больше я с Ахинеей не работаю, – подумала рыжая девушка. – Совсем из ума выжила старая, все путает! Пора мне открывать свой собственный бизнес».

И она решительно зашагала от дома Мишиных в обратную сторону, к метро.

Девочки и Александра познакомились друг с другом. Для начала Юлька решила показать ей свою фонотеку. Александра перебирала диски, сидя вместе с девочками на ковре. Взяв в руки диск с музыкой Яна Сибелиуса, она спросила:

– А вот скажите мне, Юлианны, что это за фокус такой был с зеркалом? Сначала зеркало как зеркало, и в нем отражается темная кулиса, а потом вдруг в нем оказывается одна из вас...

– Так это ж очень просто! – воскликнула Юлька. – Между зеркальным стеклом и рамой было свободное пространство, а сбоку – проход между кулисами. Совсем незаметный такой проход, потому что черное на черном из зала не различить – мы сто раз проверяли. Сначала грустная девочка танцует перед пустым зеркалом и отражается в нем. А вторая стоит в это время за кулисой рядом с зеркалом. Когда первая девочка подходит к зеркалу, другая тоже выходит из-за кулисы за раму зеркала, а наши помощники в это время убирают зеркальное стекло за кулису. Девочка-отражение оказывается в раме, а зрителям кажется, что это по-прежнему отражение первой девочки! Понятно теперь?

– Поня-ятно! Танец вы сами придумали?

– Ну да!

– И сам танец хорош, и танцевали вы замечательно!

– Это у нас наследственное, у нас папа классно танцует. А кто из нас был кем, вы можете угадать? – спросила Юлька.

– Да запросто! Отражением была ты, Юлия, а грустную девочку танцевала ты, Аннушка.

– Ой, класс! – обрадовалась Юлька. – Вы первая и пока единственная, кто различает нас с первого взгляда. Не считая бабушки, конечно, – та нас вообще никогда не путала.

– Бабушка! – воскликнула Александра. – Так у вас есть бабушка? Познакомьте же меня скорей!

– Сейчас не получится. Она в Пскове живет, – грустно сказала Аннушка.

– Временно, – добавила Юлька. – Но она, может быть, скоро к нам сюда насовсем переедет! Мы уговорим ее!

– Всегда мечтала иметь бабушку! У меня с раннего детства не было ни одной, обе мои бабушки рано умерли, – печально сказала Александра. – Ну, ничего, вот я разбогатею и удочерю себе какую-нибудь бабушку-сироту!

– Это как это – удочерите бабушку да еще сироту? – с удивлением спросила Юлька.

– А очень просто! Все знают про детей-сирот, что им трудно живется без родителей, вот их и усыновляют, и удочеряют. А есть ведь еще и бабушки-сироты, которым тоже очень плохо без детей и внуков. Я бы такую бабушку взяла к себе, заботилась бы о ней.

– А какую бабушку вы хотите удочерить?

– Мудрую и добрую. И еще чтобы она умела рассказывать

сказки моим детям.

– А у вас уже дети есть? – удивилась Юлька. – Вы же еще совсем молодая!

– Детей у меня пока нет, но непременно будут.

– Это будет доброе дело – удочерить бабушку-сироту, – сказала Аннушка. – Только непривычное какое-то...

– Никогда о таком даже не слыхала! – сказала Юлька.

– Всякое доброе дело делается когда-нибудь в первый раз, – пожала плечами Александра.

Сестры переглянулись. С каждой минутой гувернантка нравилась им все больше и больше. Это ж надо такое придумать – бабушку удочерить!

– Вы хотите найти мудрую и добрую бабушку, – задумчиво проговорила Аннушка. – А наша бабушка именно такая. Правда, Юля?

– Да, как раз такая!

– Расскажите про нее! – попросила Александра.

– Да пожалуйста! Про нее сто лет можно рассказывать! – воскликнула Юлька. – А хотите послушать историю, как бабушка спасла нас от ведьм и сама спаслась от смертельной болезни, от рака?

– Конечно хочу!

И девочки, перебивая и дополняя друг друга, принялись рассказывать Александре историю, которую мы с вами уже знаем из книги «Юлианна, или Опасные игры».

Ангел Александрос тоже слушал келпинскую историю, а Хранители Иоанн и Юлиус иногда дополняли рассказ девочек, излагая Александросу некоторые события со своей точки зрения – с высоты, так сказать, ангельского полета.

Александра уже давно поняла, что девочки ей с каждой минутой нравятся все больше и для нее будет величайшим бедствием, если их отец и хозяин дома не примет ее на работу. На втором часу знакомства она все поняла и про невесту Жанну и решила, что ей просто НЕОБХОДИМО остаться в этом доме, чтобы защищать сестер от козней красивой, но злой мачехи. В оставшееся до обеда время девочки успели досказать ей всю келпинскую эпопею и заодно совершенно откровенно заявить ей, что она им подходит, и они ни за что на свете и никогда не захотят никакой другой гувернантки!

– Да, кстати, – вдруг встрепенулась Юлька, – вы, наверное, хотите, чтобы мы звали вас по имени-отчеству?

– А нам это разве трудно? – удивилась Аннушка.

Но Александра успокоила обеих девочек.

– Договоримся так: при посторонних и даже при своем отце и Жанне вы зовете меня Александрой Николаевной, а наедине можете звать пока просто Александрой.

– Почему «пока»? – спросила Юлька.

– Да потому, что близкие друзья зовут меня Саней, а некоторые даже Санькой-Встанькой.

– Круто! Я, кажется, уже догадываюсь, почему вас так

прозвали! – сказала Юлька.

Тут в комнату сестер заглянул приехавший домой к обеду Дмитрий Сергеевич.

– Здравствуй, папочка! – сказала Аннушка.

– Пап, привет! – крикнула Юлька.

– Привет и вам всем, девчушки. Как дела?

– Отлично!

– Папочка, а ты уже знаешь нашу новость? – спросила Аннушка.

– Знаю, знаю – у вас появилась гувернантка, с чем и поздравляю. Ну, спускайтесь обедать, а за обедом расскажете о ней: как она вам понравилась, как выглядит и все такое.

«Ничего себе! – обиженно подумала Александра. – Ни тебе здрасьте, ни как зовут... “Как она выглядит?” – будто он меня не заметил или словно я пустое место. Странноватый какой-то родитель у моих воспитанниц. Ладно, Санька-Встанька, не дрейфь, прорвемся!»

Дмитрий Сергеевич спустился вниз, умылся, переоделся к обеду и, выйдя в столовую, спросил у сидевшего там с газетой Павла Ивановича:

– А ты, Павлуша, видел уже новую гувернантку?

– Видел.

– Надо бы и мне взглянуть, прежде чем Жанна окончательно решит, брать ее или не брать.

– А ты разве не поднимался сейчас к дочерям?

– Поднимался.

– И что, гувернантки наверху не было?

– Не было там никакой гувернантки. Подружка какая-то сидела с ними на полу, играли, видно, во что-то, а больше там никого не было.

– Не приходила к ним сегодня никакая подружка, Митя.

– Как же не приходила? Она и сейчас там.

– Так это и есть гувернантка.

– Что?! Эта пигалица кучерявая – гувернантка моих дочерей?!

И надо же было «пигалице кучерявой» именно в этот самый момент войти вслед за сестрами в столовую! Между столовой и холлом двери не было, и все сказанное о ней Дмитрием Сергеевичем Александра прекрасно расслышала. «Так, похоже, что проблемы у меня будут не только с мачехой, но и с папочкой!» – подумала она и немедленно принялась играть роль классической гувернантки. Пожалев о том, что уже успела опрометчиво скинуть длинную черную юбку, она мысленно поправила на шее несуществующий шарфик, сдвинула набок воображаемую шляпку и сказала голосом Мэри Поппинс из кино:

– Девочки, будьте любезны, представьте меня вашему отцу!

– Папочка, это Александра Николаевна, наша гувернантка, – послушно сказала Аннушка.

– И теперь ты можешь больше не беспокоиться о нашем

воспитании — она с этим отлично справится! — добавила Юлька.

— Юлия! — тихо произнесла Александра.

— Извини, папка, я хотела сказать, что теперь вы с нею вместе будете нас воспитывать.

Дмитрий Сергеевич покраснел, прокашлялся, а потом сказал:

— Приятно познакомиться, Александра Николаевна. Я — Мишин Дмитрий Сергеевич, отец ваших воспитанниц. Это вот Акоп Спартакович, мой секретарь, а это — Павел Иванович, начальник нашей охраны, а покормит нас уважаемая, незаменимая и великолепная наша домоправительница Екатерина Ивановна...

— Мне тоже приятно познакомиться со всеми вами. — Александра вполне учтиво всем поклонилась, сумев даже изобразить что-то вроде легкого реверанса, а потом добавила зачем-то: — А с Павлом Ивановичем мы уже знакомы.

Павел Иванович сделал Александре страшные глаза, она в ответ чуть-чуть пожала плечами и слегка кивнула головой — дала понять, что углубляться в тему не станет.

Но смущенный Дмитрий Сергеевич как будто ничего не заметил и сказал:

— Так... Ну и хорошо... А где у нас Жанна? Как всегда запаздывает?

Жанна в последнее время выходила к столу позже всех, если вообще выходила: это был единственный способ избе-

жать молитвы перед едой. Правда, если она и выходила к столу после молитвы, ей все равно кусок в горло не лез, так что сидела она за общим столом исключительно для контроля, а после добирала в своих апартаментах – сухариками, чипсами, сладостями и напитками, постоянно набирая при этом лишний вес и героически борясь с ним потом. И за это, конечно же, винила не себя, а сестер и Мишина.

– Жанна отправилась в салон красоты с утра и еще не возвращалась. Наверное, поехала оттуда в фитнес-центр, – пояснила Юлька. Не удержалась и, покосившись на Александру, громким шепотом добавила: – Ей, бедняге, вес сгонять надо!

Александра только чуть-чуть нахмурила брови.

Дмитрий Сергеевич прочитал молитву перед едой, все сели и принялись обедать. Обед прошел в дружеской, хотя и слегка напряженной обстановке. Проще говоря, Дмитрий Сергеевич молчал, а остальные домочадцы услужливо передавали друг другу солонку и перечницу, предлагали хлеб, но не беседовали как обычно, и потому обед кончился скоро. Прочтя благодарственную молитву, Дмитрий Сергеевич сказал:

– Екатерина Ивановна, будьте добры, приготовьте вместе с девочками комнату для Александры Николаевны. Я думаю, ей будет удобно в комнате для гостей рядом с Юлианнами. Павлуша, а ты, пожалуйста, помоги ей перевезти вещи со старой квартиры. – К самой Александре Дмитрий Сергеевич

не обращался и даже ни разу не взглянул в ее сторону. – Ну, а теперь я вас покидаю – работа! Акопчик, пойдем, дорогой, трудиться. – И он поспешно удалился в сопровождении секретаря.

Александра с облегчением незаметно перевела дух.

Выделенная хозяином комната Александре понравилась – светлая, с большим окном в сад. Стол, кровать, книжный шкаф и шкаф для одежды – ничего лишнего. Она стояла в дверях комнаты вместе с девочками и любовалась ею – своя отдельная комната! Какое счастье!

– Нравится вам комната? – спросила Аннушка.

– Очень нравится!

– Вы будете нашей ванной пользоваться, Александра? – спросила Юлька, заглядывая ей в лицо.

– Разумеется, – ответила Александра. – Я ведь должна за вами приглядывать: вдруг вы вздумаете в ванной тритонов и лягушек разводить!

– А вы боитесь лягушек? – удивилась Аннушка.

– Нет, я только пауков боюсь.

Домовой Михрютка, наблюдавший за гостьей из-за решетки вентиляционного отверстия в верхнем углу коридора, самодовольно потер лапы: он относил себя отчасти к паукообразным и очень-очень любил, когда его боялись.

Вместе с Павлом Ивановичем Александра съездила на Сенную площадь за вещами. Тетя Муся, услышав новость, откровенно обрадовалась. Непонятно было только, чему она рада: тому, что Александре повезло с работой, или тому, что племянница наконец от нее съезжает?

Когда они подъехали обратно к мишинскому дому, на воротах они увидели приветствие:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ,
ДОРОГАЯ САНЬКА-ВСТАНЬКА!

Надпись была сделана жирным красным фломастером на куске обоев, немного небрежно, но явно от души, а под нею радостно плясали два одинаковых нарисованных человечка в коротких юбочках.

– И как это они успели тебя так скоро полюбить? – спросил с улыбкой Павел Иванович.

– Сама удивляюсь! Снять бы надо, пока господин Мишин не увидел. Ему это может не понравиться.

– Да брось ты, Александра! Ему все нравится, что делают его дочери. Ну, скажем честно, почти все...

Но Александра вышла из машины и все-таки сняла плакат. Она аккуратно скатала кусок обоев в рулон и засунула его в одну из своих сумок – на память. Ей все-таки было очень приятно.

В своей комнате Александра огляделась и сразу же попросила у Павла Ивановича гвоздь и молоток.

– Это еще зачем? – удивился тот. – В этой комнате никто

еще не жил, тут все в полном порядке.

– Я хочу сразу же повесить икону.

– А! В таком случае я сейчас принесу дрель и дюбеля. По-моему, в мастерской есть и специальные крючки, чтобы повесить икону.

Через несколько минут он принес инструменты и собственноручно пристроил небольшой крючок в восточном углу. После чего Александра с девочками его отпустили, сказав, что дальше справятся сами.

– Какая-то икона у вас старая, черная совсем! – сказала Юлька, с сомнением разглядывая икону. – Хотите, мы завтра съездим в одно место и купим для вас новенькую икону Божией Матери? Мы с Аней знаем хорошее место, где продают иконы. Там всякие вещи для церквей продают, даже купола!

– Ну уж и купола! – усомнилась Александра.

– Небольшие купола, для часовенок, – пояснила Аннушка.

– Поня-ятно! Но эту икону я не променяю ни на какую другую, она досталась мне в наследство от моей бабушки. Бабушку я в детстве очень любила. Но она уже давно умерла, так пусть хоть икона у меня останется.

– Мы тоже свою бабушку очень любим! – сказала Аннушка.

– Еще бы вы ее не любили после таких ее подвигов!

– Да нет, мы и до подвигов ее любили. За просто так и за то, что она такая добрая, – сказала Юлька. – Бабушка – это

наше все!

Александра разложила свою одежду по отделениям шкафа, сестры помогли ей расставить книжки в книжном шкафу, а потом они пошли в комнату девочек, где новоиспеченная гувернантка немедленно приступила к процессу воспитания.

Выглядел этот процесс так: они накидали на пол перед телевизором побольше подушек, поставили бутылку с соком и тарелку с воздушной кукурузой, преугодно усьелись на подушках и принялись смотреть «Хроники Нарнии», хрустя кукурузой и обмениваясь впечатлениями. И так они провели время до самого ужина.

Мишин, к большому облегчению Александры, ужинать домой не приехал.

Надо сказать, что в последнее время Дмитрий Сергеевич старался дома вечерами не бывать, чем приводил Жанну в состояние перманентного тихого бешенства и тревоги.

И чем несказанно радовал своего Ангела Хранителя Димитриуса. Да и не только его.

– Помяните мое слово, братие, он ее только терпит в своем доме! – говорил Димитриус.

– Так зачем терпит? Разве он в своем доме не хозяин? – недоумевал Ангел Иоанн.

– Хозяин. Но добрый хозяин посреди зимы и собаку из дому не выгонит. Потерпи уж до весны, до тепла, Иванушка!

– То собака, Божия тварь, а то ведьма... Ладно уж, потерпим. Но и глаз с нее не спустим!

Ужинали сестры и Александра вместе с Жанной, и та как-то подозрительно приветливо поглядывала на новую гувернантку и даже разок ей подмигнула. Александра очень этому удивилась. Но разговоров с нею Жанна не заводила, только один раз спросила негромко:

– У вас, конечно, уже есть план работы, Александра?
– Да, разумеется. Хотите, чтобы я его с вами обсудила?
– О нет, зачем же? Я целиком полагаюсь на вас, как вы сами понимаете...

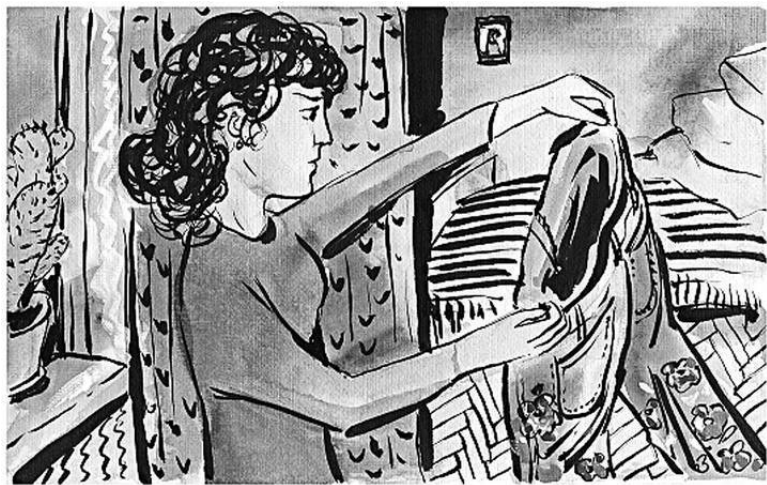
Александра кивнула, хотя, вообще-то говоря, совсем не понимала, с чего это будущая мачеха прониклась к ней таким доверием.

А это Жанне бес Жан посоветовал демонстративно устраниваться от воспитания девочек, чтобы потом, когда с ними будет покончено, никто ее ни в чем не заподозрил.

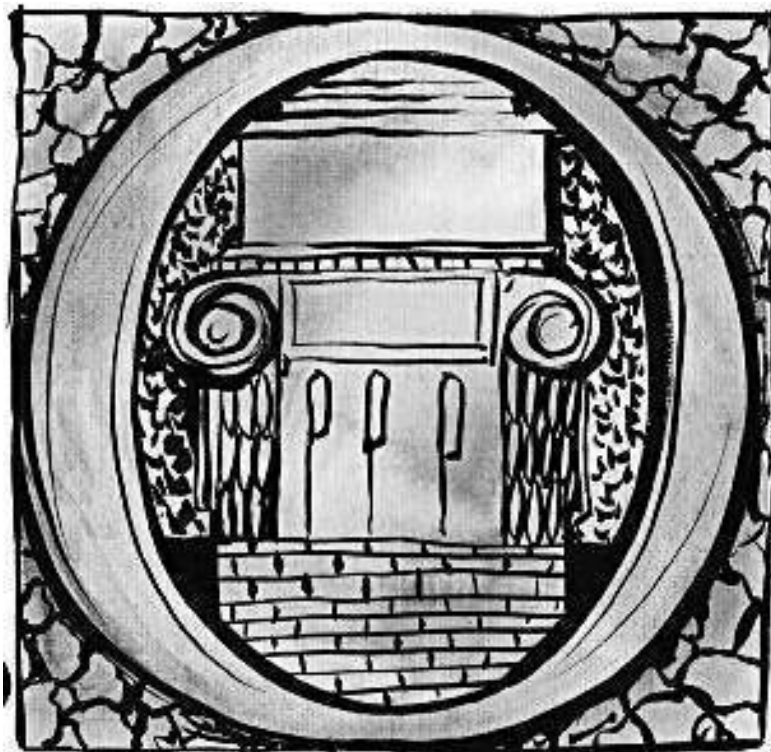
– Ты держись в стороне, хозяйка! Что бы с сестричками ни случилось – во всем будет виновата гувернантка и только гувернантка! – сказал он, потирая лапы и скрежеща когтями.

Жанна согласилась, что так и надо поступать в данной ситуации. Но она все-таки не удержалась и после ужина загля-

нула в незапертую комнату Александры, оглядела ее и понимающе ухмыльнулась, увидев в углу темную доску иконы. Очень понравилась Жанне новая гувернантка!

Глава 4

– ...Они не могли убежать, понимаете? Проектора их ослепляли, они терялись, замирали и не могли двинуться с

места. А те все стреляли и стреляли! Грохот стоял, огонь сверкал, убитые падали на снег – и снег сразу же становился красным... Весь стадион был в красных пятнах! А раненые кричали, кричали... Они как дети кричали, так жалобно-жалобно. А тех, которые забивались под скамейки, эти фашисты оттуда выгоняли и забивали палками...

Девчонки дрожали и всхлипывали, а Юрий рассказывал все новые ужасные подробности:

– Потом они хватали за уши подстреленных зайцев, бросали их в мешки и сносили к машинам. Честно скажу, мне было до чертиков страшно, девчонки!

Юрий упомянул про чертей случайно и нечаянно: он и представить не мог, что во время злодейского расстрела зайцев над старым полуразрушенным стадионом действительно вилась целая туча бесов. Какое дело бесам до зайцев, спросите? Никакого. Они просто наслаждались жутким зрелищем и кровью. Да-да, бесы любят не только человеческое кровопролитие, но и массовое избиение животных, причем любых – волков или сайгаков, птиц, морских животных – им все равно, лишь бы смерть, ужас и кровь. А еще больше бесам нравится, когда люди сами звереют от вида крови, все равно какой – птичьей, звериной или человеческой. На стадионе именно это и происходило: заячья кровь лилась ручьями, люди зверели, а бесы – наслаждались и пьянели. Они уже и на Юрика косились с надеждой: а ну как и в него

угодит шальная пуля озверевших отстрельщиков?

Но Хранитель Юрика Ангел Георгиус был на страже! Он стоял с обнаженным мечом впереди мальчика, готовый любую шальную пулю перехватить еще в полете.

Юрик продолжал:

– Я не выдержал, вышел из укрытия, подошел к их старшему и спросил: «Зачем вы расстреливаете зайцев? Что они вам сделали?» А он мне отвечает: «Приказ!» «Вы что же, хотите всех зайцев перестрелять?» – а он говорит: «Всех сразу не получится, тут еще на неделю работы! А ты, пацан, чего тут делаешь? Под случайную пулю попасть хочешь? А ну давай, дуй отсюда!» Ну, я и ушел. Не совсем, конечно. Вышел в ворота, а после вернулся через пролом в стене, спрятался и стал дальше наблюдать. Они покидали мешки с убитыми зайцами в машины и уехали. Не успели они отъехать, как на стадион пришли бомжи и стали вытаскивать из-под скамеек тех зайцев, которых охотники пропустили. А когда бомжи с полными сумками тоже ушли, прибежали беспризорные собаки и стали гоняться за подранками. Только собак зайцы уже не боялись! В темноте я не очень-то понял, что там между ними на стадионе происходит, но только очень скоро собаки с визгом оттуда убежали, поджав хвосты. Ну, я еще немного по стадиону прошелся, но ни одного подранка не нашел. А зайцев живых много осталось, я их издали видел, они там прямо так и шмыгали между скамейками...

Надо что-то с этим делать, девчонки!

– Конечно надо! – сказала Юлька, хлюпая носом. Девочки плакали, слушая Юрика. Одна только Александра лишь кусала губы и хмурилась, но слез не лила.

А вот Кира плакала вместе со всеми, однако сердито и недовольно сказала сквозь слезы:

– Почему это мы должны что-то с этим делать? Нам что, по-твоему, Юрка, до всего должно быть дело?

– Ну конечно, – ответил Юра. – Вот ты же спасла своего Кутьку, а могла бы мимо пройти.

Кира действительно недавно подобрала выброшенного каким-то злодеем щенка и взяла его к себе жить. Он и сейчас лежал у нее на коленях и посапывал – маленький, но уже откормленный и очень забавный.

– Собака – друг человека! – возразила Кира.

– Вся природа – друг человека, – отпарировала Гуля. – Нам должно быть дело до всякой чужой беды, мы же христиане.

– Подумаешь! – пожала плечами Кира. – Сейчас любой может стать христианином...

– Угу, пора уже и тебе об этом подумать, не маленькая, – посоветовала Гуля.

– Не учи меня жить! – механически парировала Кира.

Ангелы стояли вокруг сидевших на полу детей: Юлиус, Иоанн, Александрос и Георгиус с Натаном, Хранители

Юрия и Гули (ее настоящее имя было Наталья). Только у одной Киры не было собственного Ангела Хранителя, ведь она все еще была неверующая и не крещеная, бедная беззащитная девочка....

– Нельзя, чтобы дети отправились ночью на стадион спасать зайцев! – сказал Хранитель Юлиус. – Остановить бы их...

– Как их теперь остановишь? Ты же слышишь, что Юрий и Юлия говорят! А моя непременно за ними отправится, она им во всем подражает, – сказал Ангел Натан.

– Наши девочки плохому твою подопечную не научат, – заметил Ангел Юлиус.

– Мы сами учили их защищать слабых, – поддержал его Иоанн, – а теперь отговаривать станем?

– Да кто ж говорит, что дело плохое, брат Иван, – опасное оно, вот я о чем! – начал оправдываться Натан.

– Так ведь это же нормальные дети! – сказал Ангел Александрос. – Пусть спасают зайцев. А мы поможем – будем их охранять от беды.

– Братие, а может, подсказать детям, чтобы обратились к профессионалам? В Гринпис, например? – предложил Хранитель Натан.

– Гринпис зайцам не поможет, – сказал Ангел Юлиус. – Пока гринписовцы соберутся, пока документы и обращения к властям да мировой общественности напишут, деньги под это дело соберут – ни одного зайца в живых не останется.

А вот есть на острове Бычем детский экологический клуб «Зеленый остров», вот тех экологов можно позвать на помощь! – сказал Ангел Юлиус, склонился на Юлькой и что-то ей прошептал.

– А я знаю, что надо делать! Мы обратимся за помощью в природную школу «Зеленый остров», к ребятам-экологам, – вдруг сказала Юлька.

– Точно! У них есть опыт обращения с зайцами, в лесу на Бычем острове зайцы тоже живут!

– И утки, и хорьки, и ежи, – добавила Гуля.

– Хорьки-то тут при чем? – удивилась Кира.

– Ну... для экологии! Чтобы зайцам скучно не было, – пояснила Гуля.

– С этим тоже ничего не выйдет, – хмуро сказал Юрик. – Экологическую школу изгоняют дзюдоисты: они хотят всех с острова согнать, лес выкорчевать и на его месте построить свой спортивно-развлекательный центр и гостиницу. Ребята из «Зеленого острова» сейчас свою школу спасают, им не до зайцев.

– Лес? Они хотят убрать лес? Да он же уникальный, нельзя его выкорчевывать! – испугалась Гуля. – И вообще, на Бычем острове растут краснокнижные растения!

– Какие такие краснокожие растения, Ватрушка? – не поняла Кира.

– Краснокнижные! Это растения, которые занесены в

Красную книгу, ну те, которых на земле совсем мало осталось. Люди всего мира договорились их сохранять и составили специальную Красную книгу, там они все перечислены по порядку. Такие растения растут и на Бычьем острове.

– До сих пор росли, а теперь больше не будут, – мрачно сказал Юрик. – Я читал об этом проекте: сначала хотят очистить весь остров от леса и зелени, каналы поперек прорыть, а потом все застроят и посадят импортные парковые культуры. Природная школа, лес, зайцы... Ты что, Гуля? Это же будет элитная стройка! Из-за острова знаешь какая драка шла между арендаторами? И победили, конечно, дзюдоисты.

– Они самые сильные оказались? – наивно спросила Аннушка.

– Президент клуба у них самый сильный.

– Кто он такой? – хмуро спросила Юлька.

– Президент.

– Да нет, я спрашиваю, президент у этого клуба кто?

– Я и отвечаю – президент. Путин.⁶

– Так он же православный – как он может так поступать? – удивилась Аннушка. – Он, наверное, просто не знает, что на острове обижают детей и природу.

– Угу, как же – не знает! В России всегда так говорят, когда хотят царя или правителя выгородить, – проворчал Юрик.

⁶ В. Путин уже дважды президент, а затем премьер-министр, но это только укрепило позиции дзюдоистов на Бычьем острове.

– Так может написать Путину про детскую природную школу и про наших зайцев? – предложила Гуля.

– Напиши. Только не подписывай, чтобы на тебя дзюдоисты не вышли.

– И ошибок поменьше в письме делай, а то они тебя по ошибкам быстренько вычислят! – засмеялась Юлька. – Кто у нас в слове из трех букв четыре ошибки сделал? «Исчо» вместо «еще» кто написал?

– Ну так это ж было в стрессовой ситуации, – незлобиво объяснила Гуля. – Я за вас с Аннушкой ужас как волновалась, мне не до грамматики было.

– Ладно, прости! – сказала Юлька.

– Бог простит! – ответила Гуля. – Проехали.

– А ребята-экологи и зимой на Бычем собираются. Попросим их вместе с нами подумать, как спасти зайцев. Можем пригласить их вместе с нами устроить общую демонстрацию протеста – с плакатами, лозунгами типа «Спасем крестовских зайцев от расстрела!».

– Получается, что некому спасать зверье, кроме детей, – с тревогой проговорил Ангел Александрос. – Только ведь они ж непременно выйдут ночью навстречу охотникам с плакатами и заслонят собой зайцев!

– Определенно выйдут, – вздохнул Юлиус.

– Нельзя, чтобы они делали это ночью! Никак нельзя! – воскликнул Ангел Георгиус. – На заброшенном стадионе но-

чью детям делать нечего! Я очень за своего Юрия тревожился... Нехорошее это место, злое и опасное!

– И мы с Александрой никак не можем допустить подобных демонстраций, – поддержал его Ангел Александрос. – Мы не только от мачехи сестер защищать взялись, но и вообще от всяких опасностей. Я так и обещал брату Павлосу.

– Никто их и не пустит на стадион ночью, – кивнул Иоанн. – Там же пули полетят, они срикошетить могут и детей поранить!

– Нужна какая-то ангельская альтернатива подобной неразумной демонстрации! – настаивал Александрос. – Давайте вместе с детьми думать!

– Думайте, думайте! Да погромче выкладывайте все, что надумаете! – проворчал бес-домовой Михрютка, стараясь поудобней устроиться в вентиляционном канале – так, чтобы и вниз, в подвал, не сорваться, и наружу носа не показывать – а то враз по носу ангельским мечом хлопочешь! Ему уж очень хотелось подслушать, что тут сестры с друзьями опять затевают.

– Можно сказать, что эти зайцы – беспризорные. Бродячие зайцы... – задумчиво сказала Кира, поглаживая лежавшего у нее на коленях Кутьку. Он теперь был с ней неразлучно, она его повсюду носила с собой в сумке и очень им гордилась: Кира почему-то считала, что это очень экстравагантно – иметь свою маленькую собачку и таскать ее в сумке.

О том, что беспородный Кутька может со временем вырасти в здоровенного барбоса, который ни в одну сумку не влезет, а сам сможет сумки за нею таскать, она пока не думала. – Да, зайцев, конечно, надо спасать, хоть это и не собаки. Но не лезть под пули вместо них, а убрать их из-под пуль раз и навсегда!.. Вот только надо решить – куда убрать-то?

– *Вы только послушайте отроковицу Киру!* – воскликнул Ангел Юлиус. – *Она и без подсказки Ангела решила правильно!*

– *Это ей любовь подсказывает, а любовь – от Бога,* – заметил Ангел Александрос. – *Щенок изменил ее к лучшему.*

– *У меня есть мысль, как отвлечь их от спасения зайцев,* – сказал Ангел Натан и подошел к Гуле. – *Сейчас я моей Наталии словечко шепну на этот счет!* – Ангел наклонился к своей подопечной и что-то стал шептать ей на ухо.

– Липки... кедрики маленькие... Их ведь тоже жаль! – вдруг сказала Гуля.

– Ты про что это там бормочешь? – спросил Юрик.

– Про молодые деревья в парке! Зайцы их грызут!

– А что им еще грызть зимой? Морковку, что ли? – возмущилась Кира. – Так не растет зимой морковка, поливай не поливай! Вечно ты со своими глупостями, Ватруха... Как дитё!

– Так ведь парк-то... с детства наш! – попыталась объяснить свою позицию Гуля. – Как ты не понимаешь, Сухарик?

– Ну да, конечно! Тут все ваше – элитный остров! – скри-вилась Кира. – А все прочие люди и зайцы тут случайно прозябают, на них вам наплевать! И на собачек бездомных, правда, Кутька? – и она нежно поцеловала своего щенка прямо в холодный блестящий нос.

– Никто пока еще не плевал на твоего Кутьку, – заметил Юрик.

– Пусть только попробует плюнуть! Мы ему сразу – гам! – и нос откусим! Правда, маленький? – Кутька коротко тявкнул в ответ. Он всегда тявкал, когда Кира к нему обращалась – на всякий случай, а вдруг ему за это что перепадет? Обычно и перепадало, оттого-то Кутька и был круглый и упругий, как мячик.

– Зайцев вообще-то ресторан «Русская рыбалка» подкармливает, – примиряюще сказала Аннушка. – Они, говорят, вечером к ресторану собираются, а из кухни им очистки овощей выносят и остатки еды.

– Они даже рыбные объедки лопают! Зачем им деревья грызть? – подтвердил Юрик.

– А они – грызут! Я сама видела молодые обгрызанные кленики возле нашего дома, – не унималась Гуля.

– Выходит, деревьев им не хватает, если они возле кафе и ресторанов побираются, – сказала Кира.

– Ну да, – сказал Юрик. – Их оттуда бомжи гоняют – раньше-то все им одним доставалось. А еще теперь бомжи сами зайцев бьют и на кострах жарят. А на стадионе зайцы с голо-

ду скамейки грызут, я сам видел их погрызы.

– Да кончай ты про ужасы всякие, Юрка! – взмолилась Кира.

– Это темная сторона жизни, я тут ни при чем! – пожал тот плечами. Он уже успокоился, только глаза остались красные. Юрик уже понял, что девчонки будут зайцев спасать, дело ясное.

– Ладно, – сказала Юлька решительно. – Хватит вздыхать, пора к делу приступить. Давайте план составлять!

– Какой план, Юля? – спросила Аннушка.

– План спасения крестовских зайцев от окончательного истребления, – ответил за Юльку Юрик.

– И деревьев! – упрямо добавила Гуля.

– Да погоди ты со своими деревьями! – остановил ее Юрик. – О деревьях весной будем беспокоиться.

– А к весне молодых деревьев на острове конкретно не останется! – не унималась Гуля.

– Гуля, не преувеличивай, пожалуйста! – прикрикнула на нее Александра. – Мы ценим твою заботу о зеленых друзьях, но ты погоди, пока до них дойдет очередь.

Перечить чужой гувернантке Гуля не стала, у нее для этого своя была.

– *Не удалось моей Наталии переключить их со спасения зайцев на спасение «зеленых друзей», – сказал Ангел Натан с сожалением.*

– Ну и оставь ее! – сказал Ангел Иоанн. – Мир между друзьями всего дороже.

– Ну ладно, давайте сперва зайцев спасем. Я разве против? – согласилась Гуля.

– Итак, друзья мои, придется нам пойти по стопам деда Мазая, – решительно сказала Александра. – Помните стихи Некрасова?

– Помним, помним, в третьем классе проходили! – отмахнулась Юлька. – Только вот ну не надо сейчас никакой литературы, Александра Николаевна, пожалуйста! У вас какой-то конкретный план есть?

– Есть. В первую очередь надо зайцев увести со стадиона имени Кирова.

– Куда увести? – спросил Юрик.

– Как это куда? В лес конечно.

– В лес они не пойдут. Они как раз из леса на остров и прибежали спасаться. В лесах Курортной зоны то ли волки появились, то ли одичавшие голодные собаки, брошенные осенью дачниками. Вот зайцы по первому льду и перебежали спасаться на остров через залив.

– Какой в натуре жестокий мир, – вздохнула Гуля.

– Надо найти для зайцев безопасное место, – сказала Александра.

Все задумались

– Есть такое место! – воскликнула Юлька. – Сарай наш

помните, в котором мы в киднеппинг играли?

– Хорошенькие игры... – проворчал Юрий.

– А, брось, Юрка! Надо всех зайцев приманить к сараю – пусть они там зимуют. А мы будем носить им еду. Всю зиму, если надо! А весной, пока еще лед не тронулся, отведем их на острова Бычий и Безымянный. Там еще не скоро строительство начнется и травы уже в апреле будет полно, мать-и-мачеха повсюду зацветет...

– Юленька! Как прекрасно ты это придумала! – воскликнула Аннушка и громко чмокнула сестру в щеку.

Ангелы переглянулись и покачали головой: они от прекрасного Юлькиного плана заранее ожидали всяческих неприятностей. Сарай – место нехорошее, несмотря на то, что Битву при сарае Ангелы выиграли у бесов. При воспоминании о ней Ангел Иоанн даже начал поигрывать рукояткой меча.

А Михрютка сжался в комок в самой глубине вентиляционного канала и задрожал – он тоже Битву при сарае помнил!

– В сарае места мало, – усомнилась Гуля.

– Ничего не мало! – ответила Юлька. – Там еще подвал есть, в который мы провалились, а от него подземный ход идет. Те зайцы, которые наверху не поместятся, могут устроиться в подвале и под землей.

– Правильная мысль, – похвалил ее Юрик. – Между про-

чим, в сарае кой-какая заячья еда уже имеется, – добавил он.

– Какая? Откуда? – удивились девочки.

– А сено, которое Кира для девчонок туда натаскала! Помнишь, Кира?

– Конечно помню! Я знаю, где его продают, могу купить несколько пакетов и отнести в сарай! – обрадовалась Кира.

– Я тебе помогу, если хочешь, – сказала Гуля. – Ты ведь у нас девушка хрупкая, бедный мой Сухарик.

– Давай помогай, Ватрушка, – снизошла подружка. – Материально главным образом – типа деньгами.

– Деньгами так деньгами, это еще лучше. Я как бы не люблю по магазинам болтаться.

– А еще мы можем овощей туда натаскать, капусты и морковки, например, – сказала Юлька.

– Но как мы объясним зайцам, где их ждет еда и спасение? – спросила Гуля.

– Ну, это как раз же проще простого! – сказала Александра, уже по уши включившаяся в их замысел. – Мы протопчем от стадиона до сарая тропинку в снегу и понатыкаем для них морковные вешки и капустные листья раскидаем. А потом, когда все зайцы соберутся у сарая, мы эту тропинку ветками заметем. Чтобы отстрельщики их не выследили.

– Класс! – взвизгнула Юлька.

– Как гениально и просто! – восхитился Юрик, а Кира, Гуля и Аннушка просто дружно захлопали в ладоши.

– Я буду старшая по операции «Дед Мазай и зайцы», –

без ложной скромности выдвинула свою кандидатуру Александра. – Согласны?

– Да! Конечно! – закричали все, кроме Юльки.

– Нет! Мне это не нравится, – заявила она.

– Почему? – удивился Юрик. – У вас такая крутая гувернантка – чего тебе еще? Вон Гулина бонна вообще ни о чем, кроме хороших манер и диеты для похудения, ни говорить, ни думать не может.

– Я не про Александру, конечно, она будет у нас командир. Я вам говорю про название операции. Оно не должно быть такое длинное и всем понятное. Предлагаю другое, короткое и зашифрованное – «Мазайцы». Чтобы сразу никто не догадался.

С этим названием все тут же немедленно согласились.

– Значит так, дорогие мазайцы, детальный план операции у нас будет такой, – начала Александра. – Тропинку протаптывают Юрик и Гуля. Юрик – потому что он хорошо знает местность, а Гуля лучше всех справится с протаптыванием в снегу тропинки для зайцев, она девочка основательная.

– По весу, – уточнила Кира.

– Ладно, – согласилась Гуля, беззлобно пропустив мимо ушей реплику Киры. – Бабушка все равно велит мне побольше гулять на морозе, вот и буду гулять от стадиона до сарая.

– Чтобы щеки у тебя еще краснее стали! – не унималась Кира.

– Да что ты ко мне сегодня все придираешься и придира-

ешься, блин?!

Кира не удостоила ее ответом, зато Александра взмолилась:

– Очень прошу вас, ребята, никаких «блинов» в моем присутствии! А ты, Кира, Кутьку своего на время операции оставь дома, чтобы он зайцев не распугал. Все-таки собака!

– Да еще кака-а-я собака! М-м-м! – согласилась Кира и звонко поцеловала Кутьку в темечко; Кутька тряхнул ушами и вопросительно тьякнул – и тут же получил «хрустик» – специальный щенячий сухарик. – Ладно, на время операции оставлю тебя дома, сокровище мое!

– Теперь о провианте для зайцев, – продолжала Александра, глянув на хрупающего Кутьку. – Прежде всего – финансовое обеспечение. Я могу вложить в это дело сто долларов. – Александра уже получила от Акопа Спартаковича аванс и успела потратиться только на пару новеньких колготок да на торт для тети Муси: у нее оставалась еще целая куча денег. По крайней мере, она так считала.

Дети тут же полезли в свои кошельки и карманы, и скоро посреди ковра, на котором они все сидели кружком, лежала порядочная кучка денег. Даже Кира выложила две сотни рублей, несмотря на свои скромные возможности и увеличившиеся из-за Кутьки расходы.

– Для начала хватит и даже останется, – подсчитав деньги, решила Александра. – Теперь вопрос о транспорте. На чем будем возить овощи от магазинов к сараю? Какие будут

предложения?

– У папы есть сумка для гольфа, на колесиках, – сказала Юлька. – Она в кладовке под лестницей стоит. Ключики можно вытряхнуть, а сумку использовать под морковь.

– Ой, не надо! Вдруг мы папину сумку испачкаем? – заволновалась Аннушка.

– Подумаешь! До весны любая грязь высохнет и отвалится, а раньше весны папка ее и не хватится! – возразила Юлька. – На чем еще возить можно?

– Попробуем взять санки напрокат в «Чудо-Острове», – предложил Юрик. – На каждое сиденье можно поставить по два-три ящика овощей и привязать их веревками, чтобы не рассыпались.

– Вполне подходящий зимний транспорт, – кивнула Александра. – Используем санки за неимением саней и лошадей... Эх, вот была бы у нас машина!

– Машин у нас навалом – прав у нас нет, – сказал Юрик.

– Почему нет? У меня есть права! – возразила Александра. – Правда, они в Москве остались...

– Какая ерунда! – пожал плечами Юрик. – На острове никто не останавливает приличные машины и права ни у кого не спрашивает.

– А откуда мы возьмем приличную машину?

– В гараже у моего папика, вот где! Сам он ездит на крайслере, у мамы мерс, а еще в гараже стоит малолитражка, которую он обещает мне подарить, когда я до водительских

прав дорасту. Вот мы ее и позаимствуем!

– Отлично! Деньги есть, транспорт имеется, форма одежды – сугубо будничная и утепленная! За работу, мазайцы! – объявила Александра.

И мазайцы дружно отправились на выполнение задания.

А Михрютка отправился с доносом к Жанне.

– Хозяйка! Хозяюшка, проснись! Дело есть!

– Отстань, паукообразное, я спать хочу! – проворчала Жанна.

– Проснись, хозяйка! Он, похоже, не просто так явился, а с доносом, – поддержал Михрютку бес Жан.

– Ну, что там у тебя, Михрютка? – спросила Жанна недовольным голосом, садясь в своей черной постели и сладко, со стоном потягиваясь.

Михрютка рассказал обо всем, что подсмотрел и подслушал.

– Это Александра принялась за работу наконец, – сообразила Жанна. – Как ты думаешь, Жан, что она затеяла?

– Да это же ежу ясно, хозяйка! Она хочет задержать

девчонок на стадионе до темноты и подвести их под пули расстрельщиков.

– Ах, умница-девка! Ай да мать Ахинея!

– *А мне что-то эта Александра подозрительна, – проворчал Михрютка. – Она вроде бы зайссам сочувствовала!*

– Брось! Это она просто вид делала, – отмахнулась Жанна.

– *А еще она по утрам вместе с девчонками молится! – гнул свое домовый.*

– Если она и молится, то не иначе как ахинейскими молитвами! – засмеялась Жанна. – Не беспокойся, табуреточка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.